

Майкл Скотт Розен

ОБЛАЧНЫЕ
ЗАМКИ

Спираль или Хроники Стивена Фишера

Майкл Роэн

Облачные замки

1993

Роэн М. С.

Облачные замки / М. С. Роэн — 1993 — (Спираль или Хроники Стивена Фишера)

Кровопролитная борьба сил Святого Грааля с демоническим Брокеном за будущее Европы – сюжетная основа третьей книги о приключениях и преображении английского бизнесмена Стивена Фишера, ветерана бесчисленных сражений в мифических царствах. На сей раз Стив должен снова войти в Спираль – вихрь, перемещающий в пространстве и времени, – чтобы достичь легендарного города в облаках, прикоснуться к древней устрашающей силе и исполнить предначертание, запечатленное в его крови и имени.

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Майкл Скотт РОЭН

ОБЛАЧНЫЕ ЗАМКИ

*Ты с гор на облака у ног взглянул?
Взбирается сквозь них с усилием мул,
Драконы в глубине пещер шипят,
Гремит обвал, и плещет водопад.
Ты там бывал?
Туда, туда
Давай уйдем, отец мой, навсегда! (пер. Б. Пастернака) ¹*

Гете. Миньона.

ПРОЛОГ

СПИРАЛЬ

– А знаешь, Стив, – сказал Джип в тот вечер, когда волки дали деру, а он повел меня к Ле Стрижу, – этот мир куда шире, чем представляет себе большинство людей. Они судорожно цепляются за то, что им понятно, за этот прочный центр, где все до смерти скучно и предсказуемо. Где в каждой минуте – ровно шестьдесят секунд, и часы текут незаметно от колыбели до гробовой доски. Это я о Сердцевине. Но здесь, на Спирали, у самого Края, все по-другому. Все движется, Стив, и во времени, и в пространстве. И берега здешние омываются не одним, а великим множеством потоков. Рано или поздно каждому суждено омочить ноги в одном из них – и перед ним откроются бескрайние дали! Некоторые ломаются и, потихоньку ускользнув, обо всем забывают, но есть и такие, кто делает еще шаг вперед, кто решается пересечь эти холодные безбрежные воды. Из такого Порта, как этот, где прибытия и отправления за многие века оставили зарубку на теле времени, они разлетаются по всем уголкам бескрайнего мира. О боже, боже, как же он широк! И знаешь что, Стив? Абсолютно все эти уголки – места особенные. Места бывшие и будущие, места, которые не существовали никогда и нигде, кроме как в воображении, их породившем. Места эти разбросаны по всей вашей реальности – призраки прошлого, легенды и сказания, свидетельства того, что могло когда-то случиться и все еще может произойти. Они то и дело вступают во взаимодействие с реальностью. Ты можешь всю жизнь потратить на поиски – но даже намек на их существование не обнаружишь. Однако если уж научишься, то это будет получаться у тебя в мгновение ока. Там, к западу от заката и к востоку от восхода луны, на бескрайних просторах раскинулись Саргассово море и Моряцкий Рай ², там лежат Кладбище Слонов, страна Эльдорадо и империя Пресвитера Иоанна. ³ Все, что сохранилось в сознании и памяти людей, – богатства, красоты, опасности и, возможно, многое другое. Но призраки ли они, Стив, или же реальность лишь их призраков?

Я не знал, что ему ответить. И до сих пор не знаю.

² Fiddler's Green (англ.) – легендарное место, где души погибших моряков предаются вечному веселью.

³ Легендарный христианский священник и правитель великой империи, которая, по первоначальным сведениям, находилась в Азии, а затем ассоциировалась с Эфиопией.

Глава 1

Водитель ударил по тормозам. Машину занесло, и, как в замедленной съемке, бутылка, пролетев мимо, разбилась вдребезги на и без того искореженной мостовой. Пламени не было, только брызнуло во все стороны темное пиво. Сегодня нам повезло больше, чем многим другим.

Лутц что-то прокричал, высунувшись из окна машины, но вооруженные полицейские, стоявшие в оцеплении у отеля, уже ринулись к небольшой кучке юнцов, которые бросились врассыпную, рыча по-звериному и швыряясь всем, что попадало под руку. Они размахивали обрывками транспаранта, древко которого использовали явно по другому назначению. Я разобрал только часть лозунга – что-то вроде... RAUS! ⁴

Наверное, лозунг начинался со слов Capitalisten ⁵ или Juden ⁶; их опять начали в открытую отождествлять. Пробегая мимо машины, разбушевавшиеся юнцы пинали ее ногами, молотили кулаками по крыше, плевали в окна. Передо мной мелькали тупые, грубые лица, по-тюремному наголо остриженные головы, выпученные глаза, рты, перекошенные воплем ненависти. И все они были какие-то одинаковые, будто безумие наложило некий общий отпечаток и на их внешность. Лутц недовольно фыркнул и тяжело откинулся на спинку сиденья, обеими руками пригладив гриву седых волос.

– 'S tut mir leid ⁷, Стивен, – пробасил он. – Эти гориллы не отдают себе отчета, в кого кидаются всякой дрянью!

Я не стал высказывать предположение о том, что, знай они это, их действия носили бы куда более упорядоченный и направленный характер. Барон Лутц фон Амернинген был несколько преувеличенного мнения о важности собственной персоны и вряд ли оценил бы мое замечание. Кроме того, после успешной презентации он пребывал в благодушном состоянии. Поэтому сказать ему сейчас такое – было все равно что проткнуть воздушный шарик на глазах у ребенка. Портье отеля распахнул дверцу машины, и Лутц легко выпрыгнул вслед за мной. Он обхватил мои поникшие плечи своей огромной ручищей, и мне в лицо пахло кисловатым запахом «Дом Периньон» – на фуршет после презентации не поспешили.

– Может, все-таки пойдешь со мной? Сыграем партию-другую в теннис, погреемся в сауне, пропустим по стаканчику...

– Спасибо, Лутц, но у меня еще кой-какие дела остались...

– Тогда попозже вечером! Ведь такой крепкий молодой парень, как ты, не будет сидеть и кснуть у себя в номере? Я понимаю, ты сейчас чувствуешь себя усталым, но это сказывается напряжение. Тебе необходимо *расслабиться*, дружище!

Лутц говорил по-английски так хорошо, что мог бы запросто избавиться от акцента. Как я понимаю, он этого не делал намеренно – разыгрывал из себя этакого Эриха фон Штрогейма. ⁸

– Посмотри на меня – я на десять лет старше, а выгляшу ничуть не хуже тебя. Я просто не раскисаю, я все время в центре событий! Вечеринки, приемы, рауты! Только так можно сохранить молодость! И сегодня вечером я как раз устраиваю одно из моих *маленьких торжеств!* – Он довольно хихикнул и протянул мне твердый белый конверт. – Ты еще ни на одном не бывал, так ведь? Вот и просветишься!

⁴ Вон! (нем.)

⁵ Капиталисты (нем.).

⁶ Евреи (нем.).

⁷ Мне жаль (нем.).

⁸ Штрогейм Эрих фон (1885—1957) – знаменитый американский режиссер, актер, сценарист. Уроженец Австрии. В 1909 г. переехал в США, где с 1914 г. работал в Голливуде.

– Лутц, это... ужасно мило с твоей стороны, – произнес я немного удивленно. Конечно, я не мог не знать о *маленьких торжествах* четырнадцатого барона фон Амернинген: желтая пресса раструбила о них по всему свету, хотя репортеров и папарацци никогда не пускали дальше ворот, так же как и обычных партнеров по бизнесу. Ну а я в своем теперешнем положении, вероятно, подпадал под категорию «богатых бездельников».

– У меня куча дел, – повторил я, – и чувствую себя неважно. – Это, по крайней мере, было почти правдой. Но мне не хотелось его обижать, и я постарался смягчить отказ: – Может, я и смогу заглянуть попозже, если это удобно...

– Ну конечно, конечно! – И он помахал огромной, как ласт, ручищей. – Ты ведь знаешь, как до меня добраться? О'кей! Нечего торчать в номере одному, в обнимку с бутылкой! Или с кем другим, а? Что ж, чао, бамбино!

Я помахал Лутцу в ответ и проводил глазами его длиннющий «мерс»-лимузин. Тот дал задний ход и с урчанием вырлил на засыпанную мусором проезжую часть. Улица опустела, но в воздухе все еще висел тяжелый запах, исходивший из опрокинутых мусорных баков, к которому примешивались также дым, аромат перечного газа, который с некоторых пор стали использовать вместо слезоточивого, запах бензина из «коктейлей Молотова» – все это составляло букет, от благоухания которого хотелось плевать.

– Ну что за невезуха! – проронил один из постояльцев, сбегавший по ступенькам к стоянке такси и на бегу запихивавший в дипломат кипы буклетов с презентации. – Представляете, они перевернули мою машину! Как пушинку! Чертовы фашистские ублюдки! А вы тоже на презентацию приехали? Э, да вы, случаем, не Стивен ли Фишер? Ну разумеется, как же я вас сразу-то не узнал? – Он схватил меня за руку и принялся трясти ее с несколько преувеличенным энтузиазмом, едва ли не с благоговением. – Ежи Марковский, вице-президент компании «Роском-Варшава», сборка электроники и все такое! Да, ну и удивили же вы нас всех! Настоящий переворот, черт возьми! Я еще не успел просмотреть баланс, но думаю, мы непременно приобретем приличную долю «Си-Трана»! – Он помрачнел. – Но и эти чертовы соперники наверняка зевать не будут, это уж и к гадалке не ходи! Но вы ведь нас не забудете?

Я удивился, как ему удалось запомнить меня по той короткой речи, которую я произнес на презентации, окруженный голограммами, танцорами и всей этой ерундой. Но стоило мне войти в фойе, как я сразу понял: весь газетный стенд пестрел моими изображениями. Я еще не успел попасть в «Тайм» или «Ньюсуик», но континентальные европейцы времени даром не теряли. И вот я пялился с обложек «Эльзевир» и «Шпигеля» (разумеется, в кадр попал и Лутц), а «Экономист» на первой странице поместил фотографию какого-то кретина с поросычьими глазами и в четырехугольной академической шапке с кисточкой, озаглавленную: «Удобная транспортировка! „Си-Тран“ – перевозки для новой Европы».

Я взял себе экземпляр. Человек за стойкой глупо улыбнулся и громко сказал:

– Gratuliere, Herr Fischer!⁹

Все головы в фойе повернулись в нашу сторону; отель был битком набит бизнес-типами, понаехавшими на презентацию, и, конечно, им всем сразу же захотелось пожать мне руку. Среди желающих были даже крупные шишки из транснациональных компаний. Я спасся бегством, отступив в лифт с горящими от рукопожатий ладонями и приглашениями в любое время заскакивать в гости, причем абсолютно в любое место – от Гренобля до Гротана, что в штате Коннектикут. Утром, во время всей это дорогушей показухи, я чувствовал себя идиотом, пытающимся нацепить на себя маску знаменитости; теперь же до меня вдруг дошло, что именно знаменитостью я и являюсь.

Но сейчас мне хотелось только остаться одному.

⁹ Поздравляю, господин Фишер! (нем.)

Если разобраться, довольно забавная ситуация: я разыгрываю из себя Грету Гарбо.¹⁰ Я долгие годы учился не вести себя подобным образом, да и учился-то не на кушетке психоаналитика, совершая под его руководством путешествия в собственное подсознание. Учился я на ходящих ходуном палубах и в темных джунглях, среди заоблачных архипелагов и в мирах, простирающихся за пределами нашего, подобно нескончаемым теням, которые отбрасывает заходящее солнце. Учился в странствиях настолько необычных и рискованных, что сами воспоминания о них были мимолетны и очень быстро меркли. На Спирали мне доводилось сталкиваться с задачами и опасностями, которые помогли мне постичь истинную цену успеха, – и в конце концов мне пришлось встретиться с самим собой.

Я раскрыл «Экономист», и глаза мои сразу выхватили конец передовицы: «...самое сенсационное изобретение в области транспортировки грузов со времени внедрения контейнерных перевозок в 1960-х. Несомненно, это изобретение заслуженно озолотит г-на Стивена Фишера и как генерального директора, и как держателя контрольного пакета акций. Однако „Си-Тран“, как и его загадочный создатель, не собирается останавливаться на достигнутом. Естественно, что „Си-Тран“, сделавший утомительные и сложные международные судоперевозки такими же бессмысленными, как и вчерашние границы между странами, будет в дальнейшем способствовать воссоединению растерзанной и еще до конца не оправившейся от посткоммунистической травмы Восточной Европы с Западом, отмеченным, как чумой, отсутствием стабильности и возрастающим экстремизмом. В этом качестве „Си-Тран“ займет достойное место не только в сухих научных трактатах будущего, но и...»

Мелодичный звон колокольчиков оповестил меня, что лифт прибыл на мой этаж. Я поспешно свернул газету, не желая быть застигнутым за ее чтением, и фыркнул сам на себя. Боже мой, боже мой, как бывало говаривал мой старинный дружище Джип, это просто от скуки! Но теперь все, баста. Я с такой силой пихнул пластиковую карточку-ключ в дверь своего номера, что чуть ее не сломал.

Я отшвырнул газету и проверил почту в портативном компьютере. Факс был завален сообщениями, как, впрочем, и автоответчик, – все сплошь поздравления. Нажатием нескольких клавиш я отправил их в офис своей компании – пускай помощники и ассистенты отвечают. Но стоило мне закончить пересылку, как вдруг в центре экрана вспыхнуло окно¹¹ в формате, специально предусмотренном для срочных сообщений о неполадках в системе. Я внимательно взгляделся в горящие красные буковки.

СРОЧНО ВО ИЗБЕЖАНИЕ НЕМИНУЕМОГО УНИЧТОЖЕНИЯ СИСТЕМЫ СОЕДИНИТЕ ПОРТ «К» С ПОРТОМ «Ч» СРОЧНО

Что с чем соединить? Я был уверен, что этот компьютер не только не может соединить упомянутые гнезда, но и вообще их не имеет. Розыгрыш? А может, вирус?

Все это наводило на мысль о подтексте, таком *double entendre*.¹² А скорее всего я просто случайно привел в действие какую-то созданную разработчиком программы, но оставшуюся невостребованной инструкцию, которая так и осталась в операционной системе. Я нажал на кнопку «ОК», и рамка постепенно исчезла, хотя сами буквы с настойчивостью жидких кристаллов еще на несколько секунд задержались на экране, подобные затухающим огонькам. Я закрыл окно и пошел принять душ и переодеться.

¹⁰ Гарбо (наст. фам. Густафсон) Грета (1905—1990) – выдающаяся американская киноактриса, по национальности шведка. В 1941 г. перестала сниматься и вела исключительно замкнутый образ жизни.

¹¹ Речь идет о компьютерной программе Windows.

¹² Скрытый смысл (фр.).

По идее следовало бы тотчас забыть об этой истории. Однако и час спустя, посвежевший после душа, сидя в баре отеля и вооружившись огромным количеством джина с тоником, я все еще продолжал размышлять об этом. Может, просто потому, что, прекрати я размышлять об этом, мне на ум полезли бы мысли похуже. На террасе, где располагался бар, не было ни души. Администрация отеля расстаралась, украсив это место мраморными статуями, декоративными растениями и зонтиками в полосочку над столиками, однако придать более благородный вид автомобильной стоянке и жалкой поросли карликовых сосен, отмечающих ее границу с территорией соседнего отеля, оказалось выше ее возможностей. Пейзаж, открывавшийся с террасы, был немногим приятнее для глаз, чем широченное полотно проезжей части перед отелем. Тем не менее он действовал умиротворяюще. По крайней мере, за автостоянкой, вернее, над ней тянулась широкая полоса ничем не заслоненного неба. После того как я сутками торчал в выставочном центре, уже одно это притупляло ощущение клаустрофобии, овладевшей было мной. Я заказал еще джина и откинулся в кресле, чтобы понаслаждаться пейзажем.

Над чахлыми деревьями облака устремлялись ввысь, словно неприступные ослепительно белые стены, прорезанные темно-серыми вкраплениями. Белоснежная чистота облаков оставалась незамаранной, невзирая на всю мощь человеческой глупости. В бодрящем осеннем воздухе, слегка согретом солнечными лучами, облака казались застывшими на фоне темной лазури небес, которая увлекала взгляд за собой в бесконечность. Различать фигуры и образы в облаках – дело обычное, но на сей раз картина вырисовывалась четко, как на полотне художника. С обеих сторон облака вздымались отвесными скалистыми уступами. Тот, что справа, был выше и соединялся со второй вершиной, образуя некое подобие буквы «V». Почти верилось, что видишь перед собой петляющую меж отвесных скал широкую дорогу, ведущую к перевалу через могучий горный хребет, над которым, подобно стражу, нависла вершина белоснежной башни. Лучи солнца окрасили башню и дорогу в пламенно-розовые цвета. Эти величественные декорации, достойные великой трагедии, фильма, оперы или чего-то подобного, природа и стечение обстоятельств создали за считанные мгновения, а пройдет несколько минут – и они навсегда исчезнут.

Все это напомнило мне о том, что я теперь могу исчезнуть на несколько дней и полазить по горам, хотя вряд ли мне посчастливится найти такое же девственно-прекрасное место. На несколько дней? Да я могу хоть весь остаток жизни посвятить альпинизму. Ведь я добился успеха, не так ли?

Я так наладил дела в нашей компании, что, когда Барри отошел от дел, я, несмотря на молодость, без труда преодолел ступеньку, отделявшую меня от поста директора фирмы. Но теперь мой друг и заместитель Дейв справлялся с делами даже лучше, чем это когда-либо делал я. Ну и кто я теперь? Всего лишь свадебный генерал. И дело не в том, что Дейв хочет меня подсадить. Несмотря на все его шуточки в мой адрес, он считается со мной и спрашивает мое мнение по любому вопросу, если я проявляю интерес к нему, вопросу этому. Иногда такое даже смущает меня. Куда бы я ни бросил взгляд, везде чувствуется его рука, твердо держащая штурвал. Дейв повел корабль компании с добродушной властью, унаследованной от его предков – вождей племени в Западной Африке, при этом еще умудряясь содержать большущее семейство. Он достиг всего, чего я пытался достичь, и даже большего; мои решения бывали хороши, его – еще лучше, и я понимаю, почему так рано, казалось бы, ушел Барри. Но мне едва минуло сорок, я в форме и люблю свою работу – да и что еще мне любить? Годами я выкашивал идеи о том, как лучше устроить наш бизнес, – идеи в большинстве своем сумасбродные, но...

Но внезапно «Си-Тран» превратился в реальность для семнадцати стран, оказался готов к внедрению еще в десяти, а гигантская программа по его расширению должна была раскинуть свои сети далеко за пределы Европы и опутать весь земной шар. Но это уже была не моя забота. Я больше не мог контролировать все дела, да и никто не смог бы. От меня требовалось лишь давать интервью, председательствовать на проводимых изредка собраниях консорциума

и грести деньги лопатой. Но не всякий миллион доставил бы мне то наслаждение, которое я получил от сумки, набитой потертыми гинеями, луидорами, реалами и мягкими испанскими унциями. Сумка эта досталась мне ценой тяжких испытаний во время первого плавания по тем незнакомым, бескрайним морям, что простираются между мирами Спирали и так не похожи на наши.

Случилось это два года назад, когда все возрастающие трудности новой системы стали так давить на меня, что я в отчаянии бежал от них, собрал своих старинных друзей, нашел капитана с командой и товары для торговли в незнакомых портах. Год спустя я снова, уже в качестве капитана собственного корабля, пустился в плавание, на этот раз более продолжительное. Продолжительное, полное опасностей и не такое выгодное, как в прошлый раз, но начало было положено.

Дважды уже притягивала меня Спираль, однажды волею случая и любопытства, второй раз по необходимости. Теперь же она не просто притягивала, а неудержимо влекла, и потребность быть там буквально разрывала меня на части. Каков был смысл моей жизни, жизни червяка, застрявшего в Сердцевине? А ведь там, за пределами этого мира, существовала вселенная безграничных возможностей! Сердцевина безнадежно меркла перед буйством ее смелых красок. Но этот мир был известен мне и подвластен мне, насколько он может быть подвластен людям, и даже в большей степени, чем большинству из них. Спираль же обладала любопытной особенностью подчеркивать как сильные, так и слабые стороны. Нет, лучше уж я разберусь со своими проблемами здесь, чем они поднимутся и захлестнут меня там, снаружи.

В конце концов, мне была известна самая главная моя проблема. Здесь или там, в Сердцевине или на Спирали, я оставался одинок. Я избавился от бессмысленности, чувства вины и холодной пустоты моего прошлого. Я твердо решил начать жить заново, найти настоящих друзей, выстроить свои отношения с людьми и даже жениться. Но мне было уже за сорок, и лгали те, кто говорил, что мне не дашь моего возраста, – еще как дашь, если посмотреть изнутри. И я привык жить работой. Не самое хорошее начало. Как я мог изменить эту идиотскую двойную жизнь? Разве впутать в нее кого-нибудь из близких мне женщин? Но Клэр и Джеки знали все это. И обе решили держаться подальше как от Спирали, так и от меня. Теперь они, уж конечно, забыли обо всем – людям свойственно забывать. Там, на Спирали, тоже были женщины, и в немалом количестве, но отношения в тамошней переменчивой атмосфере редко затягивались, ибо чересчур длительная остановка означала там потерю памяти и возвращение в болото серого мира смертных.

Я с раздражением осушил стакан и ощутил горечь. Уставившись на огромную фантастичную гряду облаков, я всей душой пожелал укрыться за ней, пожелал так горячо, как никогда прежде...

Официант поставил передо мной еще один стакан, хоть я и не мог припомнить, чтобы заказывал его. К питью, однако, я не притронулся. Повернувшись к стойке бара, чтобы посмотреть меню, я краем глаза заметил белое пятно, похожее на запутавшийся в кронах низкорослых деревьев обрывок облака. Но стоило моим глазам сфокусироваться, как в голове у меня все смешалось. Это была лошадь, и немаленькая, судя по виду. Лошадь серой масти, а вернее сказать, чистейшего, ослепительно белого цвета. Она стояла неподалеку, но ни наездника, ни грума рядом не было. Оседланная и взнузданная, но не привязанная и не стреноженная, лошадь спокойно наклонила голову и принялась пастись на жалком пяточке под деревьями, где росла редкая трава.

Я огляделся по сторонам – и правда никого. Животное, должно быть, заблудилось и забрело сюда откуда-то... с ярмарочной презентации скорее всего. Да, конечно: агентство наняло известную танцевальную группу и подготовило весьма внушительные аудио – и видеоматериалы. За последние несколько недель я наглядился на что угодно, начиная от стриптизерш и заканчивая гиппопотамами. И еще я понял, что следует сделать что-нибудь прежде,

чем несчастное животное выйдет на Autobahn ¹³ или столкнется с каким-нибудь любителем быстрой езды, выезжающим с автостоянки. А нужно сказать, что лошадей я любил. Прихватив с собой несколько кусочков сахара из сахарницы на столе, я перемахнул через ограждение и осторожно двинулся по асфальту, стараясь не спугнуть животное.

Впрочем, беспокоиться не следовало. Конь поднял голову и посмотрел на меня, затем слегка тряхнул гривой да так и остался стоять, как будто поджидая меня.

– Да ты какой рослый мальчик, – сказал я тихо.

Чем ближе я подбирался, тем крупнее казался конь. Конечно, это был не шайр, и не першерон ¹⁴, но ростом и статностью он походил на очень крупного тракена. Я не мог определить его породу, – судя по вытянутой форме головы, в нем не было ничего от арабского скакуна. Сбруя тоже была необычная, тяжелая и расшитая орнаментом, седло с высокой передней лукой, но не в ковбойском стиле, а скорее уж в восточном. Я снял обертку с продолговатых сахарных кирпичиков. Конь понюхал их и принял, изящно приподняв губу, а затем позволил погладить себя по мускулистой шее.

Тряхнув гривой, конь фыркнул, как будто желая сказать: «Ну и чего ты ждешь?»

Нет, это был не какой-нибудь заплутавший бездельник из шоу. Вокруг скакуна витал дух Спирали, дух волшебства и загадочности. Да, Спираль была опасным местом. Но сейчас мне было плевать на это. Я попробовал подпругу – она была затянута как следует. Я ухватился за луку и, опершись одной ногой о поребрик, другую вставил в стремя, подтянулся и очутился в седле. Другая моя нога нашла стремя без труда – и тотчас огромный жеребец с радостным ржанием развернулся и устремился к зеленой завесе деревьев.

Я невольно пригнулся, увидев, как стремительно надвигается листва, и инстинктивно потянулся за поводьями, которые, как оказалось, были обмотаны вокруг луки. Но не успел я схватить их, как мы уже пролетели сквозь заросли, и мягкий звук топота копыт по траве сменился, но не на приглушенный стук по асфальту – нет, земля ответила барабанной дробью, – камень отозвался грохотом, когда огромное животное перешло на галоп. Я взглянул вниз и чуть было не лишился чувств. Земли под конскими копытами видно не было, она терялась в обволакивавшем нас летящем сероватом тумане, так что казалось, будто мы не движемся, а туман пролетает мимо нас. Возникало ощущение, что от удара копыт туман на мгновение застывает, но уже через секунду, едва копыта отрываются от его поверхности, тает снова. Кроме того, стоя в стременах и вертя головой по сторонам, я заметил еще кое-что: дорога уходила по склону вверх, мы поднимались, причем довольно быстро. Затем все вокруг нас внезапно заполнилось светом, и вольный воздух обдал меня свежестью. Ослепленный, я смотрел, прищурясь, на парящие в высоте тени – неужели это тоже облака? Мне пришлось отвести взгляд от сверкающих высот и снова взглянуть вниз – и на этот раз я потерял стремя и вынужден был судорожно вцепиться в луку седла.

Теперь почва стала достаточно твердой, это была неровная каменистая тропа. В дорожной пыли попадались кусочки кварца. Но ширины дороге явно не хватало. В каких-то миллиметрах от места, куда опускались копыта, она резко обрывалась, и мелкие камешки, разлетающиеся из-под них отскакивая от отвесной скалы, летели вниз, в головокругительную пустоту, в пропасть, глубину которой я даже предположить не мог. Густой туман плескался о скалистые берега, подобно волнам молочного озера. Однако это был не туман, ибо он простирался от утеса той самой бесконечно далекой лазури, – это было облако, а мы скакали уже над ним, поднимаясь по склону горы. Бездна пугающе ошетижилась на меня, руки мои покрылись липким потом, но я только крепче сжимал ногами седло, надеясь на него да на веру альпиниста в то, что высота значения не имеет: можно уцелеть, сорвавшись с вершины в тысячу футов,

¹³ Шоссе (нем.).

¹⁴ Шайр, першерон – породы лошадей-тяжеловозов.

и разбиться, упав с десяти. Задыхаясь от волнения, я заставил себя выпрямиться и смотреть вперед. Глаза мои привыкли к ослепительному свету, но я и без того уже знал, что предстоит увидеть: тот самый пейзаж, те же скалистые стены, а между ними дорогу, по которой я так мечтал проехать, дорогу, по которой я сейчас поднимался и которая вела к перевалу, расположенному не более чем в двухстах футах отсюда. Возбуждение пронзало меня ледяными звенящими стрелами. Сильный свежий ветер моментально очистил легкие от тлетворного дыхания города, наполнив меня нескончаемой жизненной энергией. Воздух здесь бодрил в сотни раз больше, чем самый холодный и крепкий джин. Я стряхнул с себя страх перед бездной, вдел ноги обратно в украшенные орнаментом стремяна и поудобнее устроился в седле, принаравливаясь к ритму скачки, наслаждаясь силой животного и как бы вбирая ее в себя. Я натянул поводья с серебряным позументом и тут же по реакции жеребца понял, что он мне повинуется, признавая мою власть над ним. Ведь именно этого я хотел, верно? И не так важно, что ждет меня за перевалом, по крайней мере, я увижу, что находится там.

Дорога была неровной, но прекрасное животное ни разу не то что не споткнулось, но даже не сбавило ход. Из-под его уверенных копыт, когда они попадали на кусочки кварца, сыпались искры, сбруя пела и позвякивала, а грива развевалась по ветру, подобно знамени. Я поймал себя на том, что громко смеюсь от неизъяснимой радости. Когда до перевала оставалось уже всего ничего, тропа внезапно сделала петлю. Я пятками как бы пришпорил коня и слегка натянул поводья, но мог бы этого и не делать – он с легкостью проскакал по склону, и вот мы перемкнули через хребет. Но даже в этой стремительной гонке я все время различал настойчивый звон колокола, доносившийся, как оказалось, с огромной светлой башни, маячившей вдалеке. А откуда-то снизу этому колоколу вторил другой, с более низким звучанием.

От увиденного за перевалом у меня тотчас перехватило дыхание. Склон горы снова, хоть на этот раз и не так резко, исчез внизу, однако тропа не оборвалась вместе с ним. Она бежала вдоль скалы, повторяя изгибы склона и смотрясь в простиравшееся внизу и мерцавшее море. Конь скакал по ней так же уверенно, как и прежде, словно у него было запланировано некое срочное randevu. Он слушался малейшего прикосновения, но, казалось, вовсе не нуждался в понуканиях. Опустив поводья, я глядел вперед, за облака, пытаюсь найти хоть какой-то намек на то, куда мы направляемся. Поверхность облаков пронизывали все новые очертания, все новые вершины, вздымавшиеся неровной линией наподобие драконых зубов, из чего можно было заключить, что мы находились посреди горной цепи. Но ближе, еще ближе к нам и чуть ниже, еще что-то устремлялось ввысь. Тенистый шпиль, лишь слегка пронзивший облачный свод, шпиль слишком тонкий и изящный, слишком правильной формы, чтобы оказаться очередной скалой. По мере нашего продвижения по тропе он словно раздвоился, и теперь рядом, параллельно друг другу, возвышались два шпиля одной высоты и совершенно одинаковые. И несмотря на то что в лучах солнца их тени четко выделялись на сверкающей белизне, они казались нереальными.

Затем краем глаза я уловил какое-то движение – еще одна тень, но на этот раз под облаками. Тень скользила сквозь них, словно рыба, двигаясь неторопливо вровень с тропой. Я бы мог ее и не заметить, и тогда происшедшее затем оказалось бы еще более неожиданным. С пугающей внезапностью тень выскочила из-за облаков и быстро поднялась над их поверхностью. Я широко открытыми от изумления глазами смотрел на нее. Это был воздушный корабль, дирижабль, но не похожий ни на одну модель, которые я видел на картинках. Он был изящнее и меньше, чем «Гинденбург» или обычный цеппелин. Белый корпус летательного аппарата был вытянут на девять или десять одинаковых отсеков от носа до хвоста-киля, состоявшего из квадратных секций и напоминавшего огромный бумажный змей из коробок, а из моторного отсека один за другим с пыхтением вылетали маленькие клубы дыма. И все же, несмотря на примитивность конструкции, дирижабль шел параллельным курсом, быстро, без видимых усилий нагоняя нас, а гондола его, имевшая обтекаемую форму, казалась весьма вместитель-

ной. Примитивность? А может, как раз наоборот? Я начал склоняться к тому, чтобы усмотреть в этой примитивности новую, альтернативную технологию, сложную конструкцию, работающую на самых простых принципах. Несомненно, это была превосходная машина, такая же совершенная и функциональная, как корабль викингов. Дирижабль стремительно приближался, пока я наконец не смог вполне отчетливо различить тихое прерывистое пыхтение – наверняка здесь использовалась какая-то разновидность парового двигателя. Я приподнялся в стременах, чтобы помахать рукой...

Что-то прожужжало совсем рядом. Не насекомое, это уж точно. Я быстро нагнул голову, уклоняясь. Со склона посыпался град камней и пыли. Я, как последний идиот, так и замер с открытым от удивления ртом – уж чего-чего, а попасть под обстрел я никак не ожидал. Я снова попытался помахать рукой в знак того, что я безоружен. Снова раздался громкий треск, и на этот раз уже тропа разразилась брызгами пыли. Я прижался к холке коня, с силой ударил его пятками в бока и, чего со мной никогда раньше не случалось, пожалел, что у меня нет шпор. Впрочем, я мог бы и не понукать коня. Он перешел в галоп, и мы буквально полетели вперед. Раздалась целая серия выстрелов, и воздух загудел, как от роя пчел. Я не сразу сообразил, что происходит. Теперь уже не одиночный выстрел, а целый залп, значит, стреляют отнюдь не новички. В меня стреляют, не зная, кто я, и без предупреждения. Они даже не стали ждать – ведь можно было приблизиться и убедиться, тот ли я, кто им нужен, или нет. Они же принялись палить, как только я попал в поле обстрела, как будто кого-то боялись. Но кого – одного человека, у которого при себе в худшем случае мог быть пистолет? Это казалось совершенной бессмыслицей.

Но они не прекращали стрельбу. Тень, похожая на акулу, скользнула через тропинку перед нами, совсем недалеко от холма. Я взглянул вверх, попытался подать сигнал и понял, что смотрю прямо в посверкивающие зловещим блеском дула орудий, торчащие из обоих бортов гондолы. Вскрикнув от неожиданности, я буквально вжался в седло; стволы исчезли за вспышками оранжевого пламени, земля и камни взрывались вокруг нас, но вот уже взрывы остались позади. Мы двигались слишком быстро для нападавших. Воздушный корабль чуть не врезался в скалу; пульс двигателя внезапно участился, превратившись в сплошной рев, а воздух наполнился пылью: они сбрасывали балласт. Корабль затормозил, резко развернулся и бешено закачался; моторы ревели и дребезжали. Я живо представил себе, как люди в гондолах спотыкаются, падают и катятся по полу. Я скорчил мстительную мину: несмотря на то что я не видел ни одного из нападавших, я не испытывал к ним особой любви. Такое нередко случается, если в тебя стреляют.

Дирижабль постепенно замедлял ход, с пыхтением огибая гору, готовый в любой момент продолжить атаку. Я потрепал коня по гриве, чувствуя приступ бессильной злобы. Значит, в быстроте спасения не будет; нужно искать укрытие. Насколько я помнил, по ту сторону перевала никаких укрытий не было, и вдобавок я очень сомневался, что мне удастся заставить огромное животное повернуть назад. Простая попытка управлять лошадью на такой скорости могла отправить нас под откос или вывести из равновесия, превратив в идеальную мишень. И тут впереди, за поворотом, выросли два огромных валуна, возвышавшиеся над тропой, подобно грубым изваяниям Стоунхенджа: шанс, причем существенный. Я дернул поводья и прошептал:

– Вперед, малыш! Спасай свою шкуру!

И он ринулся вперед. Я припал к взмыленной шее животного, слова мои перешли в бормотание. Я готов был поклясться, что конь отреагировал на несколько мгновений раньше, чем я, как будто он тоже все видел и понимал, – а может, так оно и было. Так или иначе, но скоро мы оказались у поворота. До спасительных камней оставались считанные шаги, но нависавший над нами темной тенью воздушный корабль начал спускаться, словно туча, начиненная смертоносными молниями.

И тут из-за камней появилась фигура, закутанная в монашескую рясу. Человек даже не взглянул на меня и взмахнул рукой, словно нанося пощечину. Этот жест, казалось, был исполнен такой мощи, что жеребец пронзительно заржал и встал на дыбы, рассекая воздух передними копытами. Я с трудом удержался в седле. Поведение коня было вовсе не удивительно, если принять во внимание то, что случилось потом. Земля у нас под ногами задрожала, в самом воздухе пошли завихрения и мерцания – так колеблется изображение в кривом зеркале. Затем сорвавшиеся с земли глыбы полетели одним бушующим потоком прямо на приближающийся воздушный корабль. Здоровенные камни проламывали обшивку гондол, барабанили по парусине, со скрежетом врезались и отскакивали от пропеллера. Дирижабль накренился и задрожал от ударов, того и гляди, какая-нибудь из каменных глыб могла попасть в бак с бензином. До меня донесся далекий звон бьющегося стекла. И снова взревели моторы, дождем посыпался балласт, и машина, раскачиваясь из стороны в сторону, пронеслась над тропой в пустоту. Раздался одиночный выстрел, и пуля ударила в скалу в нескольких дюймах от головы моего неожиданного спасителя, оставив на камне блестящую полосу. Незнакомец не обратил на это внимания – он стоял и провожал взглядом кувыркующуюся все дальше в небе машину, пилоты которой пытались усмирить ее, пока я пытался усмирить лошадь. Мне это удалось – и им, судя по всему, тоже, ибо гигантская машина остановилась и, поднявшись чуть выше, снова двинулась вперед. Я ожидал, что дирижабль полетит назад и даст ответный залп, но вместо этого он быстро пошел на снижение, пока наконец свод облаков не поглотил его. Я замер на мгновение, чувствуя, как расширяется и сжимается грудная клетка коня от судорожного дыхания. Конь потряхивал гривой и слегка вздрогнул, когда я погладил его: он еще не пришел в себя, да и неудивительно. Я выжидательно посмотрел на незнакомца. И тут пришел черед вздрогнуть мне. Я сглотнул, прежде чем смог выдавить из себя:

– Стриж! То есть я хочу сказать... Ле Стриж. Какого черта...

– Я здесь делаю?

Он все так же говорил в нос, и таким же остался его дребезжащий от злости голос. Однако сейчас на лице его играла улыбка. Перекошенная улыбка тонких губ, кислая, как недозревшая хурма, – и все же улыбка.

– Спасая твою жалкую шкуру, мой мальчик. Я ведь исключительно этим и занимаюсь, когда ты поблизости, разве не так?

Я сморгнул. Что-то в нем изменилось. В холодном взгляде серых глаз была все та же властность, доводившая чуть не до одурения. Лицо его могло принадлежать любому из запечатленных в мраморе классиков – ученому, философу, священнику или отшельнику. Бледная кожа, изрезанная глубокими морщинами, тонкий, как лезвие, нос с широкими ноздрями и бескровная линия рта, практически без губ, над надменным, выступающим подбородком. Но жизнь, бурлившая под этими, казалось, застывшими чертами, превращала его в смертоносное оружие, грубое орудие, бьющее в цель и крепкое, как камень. Кто это – фанатик, сумасшедший, психопат? Так я подумал, когда впервые увидел его, но теперь я знал слово, подходившее куда лучше.

Некромант .

Опасный противник, смертельно опасный, если верить всему, что я слышал о нем. И все же, как ни удивительно, он переменялся. Вместо потрепанного черного пальто с поясом он был одет в драную бархатную темную сутану. Седые волосы, которые раньше висели спутанными беспорядочными лохмами, теперь были перехвачены сзади изящным бантом из черного бархата и, кажется, даже напудрены. Старый негодяй выглядел как французский аббат восемнадцатого века. Но вместе с тем грязные борозды все так же покрывали это лицо отшельника, подчеркивая и без того глубокие морщины. На высоком лбу пудра лежала неровными серыми хлопьями, а в уголках глаз налипла маленькими желтоватыми комочками. От Ле Стрижа все так же ощутимо несло запахом затхлости и бродяжничества. Причем не я один чувствовал

этот запах: конь тоже водил ноздрями. Даже бархатная сутана старика местами была покрыта лепешками доисторической грязи. Впрочем, я решил разговаривать вежливо и не нарываться.

– Хорошо выглядишь, – произнес я, и он едва заметно наклонил голову. – Полагаю, что всем этим, – я указал на коня, – я обязан тебе?

Он снова наклонил голову. Он что, пытается произвести хорошее впечатление?

– Я чувствовал своим долгом предоставить тебе подходящее средство передвижения. Дело в том, мой молодой друг, что я сейчас так же нуждаюсь в твоих услугах, как некогда ты в моих.

– Что? То есть, я хочу сказать, в чем?..

В его горле словно гравий зашуршал: он довольно посмеивался.

– Ах, не стоит беспокоиться: я не стал бы звать тебя ради чего-нибудь... имеющего отношение к потребностям высшего порядка. Но мне необходимы качества, которыми я сам больше не обладаю. Я теперь старик и быстро устаю. К тому же я не хочу, чтобы давнишний должок так и висел на тебе. Ведь это так неприятно! Я решил, что лучше...

– Постой-ка, о каком это долге ты говоришь?

Он укоризненно улыбнулся, но глаза его довольно блестели:

– Ну да, должок. Помнишь нашу первую встречу? Ты ведь не будешь отрицать, что я тебе тогда пригодился? И не один раз. Смогли бы вы найти прекрасную Клэр без меня? А догнать корабль волков? И как насчет моих драгоценных юных помощников, которые погибли ради тебя? Такое нельзя забыть. И ты, конечно же, не забыл!

– Разумеется, – произнес я, начиная волноваться. Когда я узнал, кем были эти «юные помощники», мне они стали являться в ночных кошмарах. – Конечно нет! Но ведь я отблагодарил тебя, если не ошибаюсь? И выплатил кругленькую сумму золотом!

– Очень щедро с твоей стороны, – отвечал старик своим высокомерным трескучим голосом. – Но смог бы ты за ту же сумму купить подобную помощь где-нибудь еще? Мой юный коммерсант, не все долги можно оплатить золотом. А то, что мне нужно сейчас, потребует от тебя лишь самых малых усилий. Я подумал, что лучше дать тебе возможность разделаться с этим долгом именно теперь. Честно говоря, я не ожидал даже самого слабого сопротивления! – Он скривился. – Не буду притворяться: меня такое ничуть не задевает. Но должен предупредить: я не вижу для тебя более легкого способа заплатить.

Конь вел себя беспокойно: ему не стоялось на месте и он в нетерпении мотал головой. Я нарочито старательно гладил и успокаивал животное, желая выиграть время и подумать как следует. Ле Стриж! Да, он помог мне в свое время, хотя в конце концов, если уж на то пошло, и я спас его. Но когда я снова надумал обратиться к нему за помощью, подобная идея привела в ужас моих друзей со Спирали, и больше всех Джипа-штурмана, который сам же и привел меня к нему впервые. Он настойчиво повторял, что Стриж крайне опасен и ему нельзя доверять! И что он сумеет использовать против меня любую мою оплошность. Неужели я ее уже совершил? И какую власть он приобретет надо мной, если это так?

Огромный конь повиновался мне, послушный голосу и прикосновению. Он нервничал из-за Стрижа, это было очевидно. Старый негодяй, может, и послал его за мной, но конь явно не входил в число его верных прислужников. Я выпрямился в седле и посмотрел на Стрижа сверху вниз:

– Я плачу по долгам, Стриж, когда я знаю, что они за мной имеются. Но я знаю, почему ты помогал мне – отнюдь не за просто так. Ты хотел избавиться от одного из *своих* обязательств перед Джипом, и если уж я перед кем и в долгу, так это перед ним. А если я выполню то, чего ты от меня хочешь, чем бы оно ни оказалось, это накренит весы в другую сторону. И сильно накренит, да только мне этим заниматься недосуг. Ты меня, бывало, называл дураком, Стриж. Так вот, если тебе нужен мальчик на побегушках – поищи кого-нибудь другого!

Я резко дернул поводья, ударил коня пятками в бока. Великолепный скакун только этого и ждал: он громко и радостно заржал, повернулся и встал на дыбы. Стукнул копытами по нависавшему над головой старика скалистому выступу, и из камня посыпались искры; Стриж, оказавшийся в ловушке между телом животного и валуном, пошатнулся и упал на спину. Как я и надеялся, мне удалось схватить поводья и справиться с жеребцом, но он уже не нуждался в дополнительных указаниях – с диким и радостным ржанием он выскочил на тропу, по которой мы приехали сюда, и пустился в обратный путь. Я пригнулся пониже; ведь по спине у меня мурашки бегали при мысли о том, что может обрушиться на меня в любой момент. Очередной камнепад, шквальный ветер, шаровая молния – или какая-нибудь дьявольская ловушка, чтобы вернуть меня, как рыбку, бьющуюся в агонии на крючке. А скорее всего произойдет что-то такое, чего я даже и представить себе не могу. И я боялся этого «чего-то» гораздо больше, чем только что выстрелов с дирижабля. Мне ужасно хотелось уклониться от неминуемого удара, свернуть в сторону, но здесь, на узкой тропе, это было бы смерти подобно. И оставалось только довериться моему скакуну.

Вот наконец мы достигли поворота. Благородное животное пролетело его, как ветер, и пыль из-под копыт заслонила нас, словно щит. Я бросил тревожный взгляд вниз, на облачный свод, но он был безмятежен. Перед нами вздымался своей громадой горный перевал. Тут нам пришлось сбавить скорость, и я решился оглянуться. Далеко позади, поразительно далеко, посреди скалистой дороги стояла маленькая темная фигура и как будто наблюдала за нами. Восходящее облако свернулось и обвило его наподобие зубчатого драконьего гребня, но сам Ле Стриж не шевелился. Я снова вздрогнул, и конь тихонько заржал, словно желая успокоить меня. Уверенно ступая, он перебрался через гребень горы и прошел по каменистому склону за ним, преодолев самый крутой участок и выбравшись на более широкую горную тропу. Здесь он снова пошел быстрее. Я снова бросил взгляд назад, думая, увижу или нет на фоне неба невысокий силуэт человека, который вот-вот обрушит на нас лавину, но все было тихо и спокойно.

Солнце садилось, и небо темнело. Очертания гор в красноватом свете заката стали менее отчетливы, а вершины их начала окутывать пелена тени, постепенно распространявшейся вокруг. Озеро из облаков внизу стало сереть и бледнеть, и, когда мы спустились к нему, снова перейдя на легкий галоп, оно захлестнуло нас и сомкнулось над нашими головами. Во мраке, где мы оказались, ничего не было видно, и я едва смог различить тенистую стену, маячившую впереди. Но не успел я натянуть поводья и остановить коня, как мы уже врезались в нее и меня хорошенько отхлестало ветками по щекам. Но это продолжалось лишь мгновение – вскоре стук копыт стал громче и сильнее, и мы въехали под сень деревьев. Неподалеку газанула спортивная машина, и лошадь дернулась в сторону; впрочем, я тоже вздрогнул. Потрясенный всем происшедшим, я выскользнул из седла на асфальт, который закачался подо мной. Я схватился за луку седла, боясь упасть, а затем начал рыться в кармане в поисках сахара.

– Жаль, что я не знаю, как тебя зовут, – сказал я коню. – Какое же у тебя имя? Буцефал, Астер, а может, Грейн...

Я ослабил подпругу и отстегнул удила, искренне сожалея о том, что не могу почистить и накормить его, отвести в конюшню на отдых – ведь он это заслужил. Конь тем временем хоть и охотно принимал мои ухаживания, но посматривал назад, сквозь деревья, и я понял, что он чувствует себя здесь не слишком уютно. А может, он услышал зов своего настоящего хозяина? Я отдал коню последний кусочек сахара и встал, наблюдая, как он потянул воздух ноздрями, повернулся и рысью пустился назад под прикрытие ветвей. Я тоже повернулся и побрел назад через автостоянку – или попытался это сделать. С тех пор как я последний раз ездил верхом, прошло слишком много времени, и мои ноги и зад горели огнем. Я горячо молился, чтобы терраса была все так же пустынна и никто не увидел бы, как я ковыляю по ступенькам наверх, прихрамывая, ползу к своему столику и тяжело опускаюсь на стул – осторожно, стараясь не потревожить мозоли. Солнце сместилось лишь чуть-чуть, но небо выглядело совсем другим.

Освещение изменилось, и облака стали самыми обычными облаками. О том, что произошло, напоминали только память, боль во всем теле и неведь откуда взявшееся беспокойство. Все это было – с болью не поспоришь. Моя мечта сбылась, и я проехал по згой тропе, но что я там нашел? Глубокий котел облаков и еще более глубокую тайну. А что еще? Опасность. Подумать только час-другой назад я изнывал от скуки. А может, с тех пор прошло гораздо больше времени?

Бессознательно, будто отвечая моей жажде, рука потянулась к стакану с джином, так и оставшемуся нетронутым. Он все еще охлаждал руку. Я поднял стакан и замер, в изумлении уставившись на него. Это, без сомнения, был все тот же стакан, но, несмотря на уличную жару, кубики льда даже не успели растаять.

Глава 2

Итак, совсем недавно мне хотелось побыть одному, разве нет?

Но не теперь. Я не спешил уходить из бара, хотя сюда постепенно набивалось все больше и больше типов с ярмарки, которые имели в буквальном смысле шумный успех у местных путан. Когда джин немного притупил боль, я проковылял в битком набитый гриль-бар, чтобы наконец-то поужинать. Там я долго сидел над бумажным стаканчиком с кофе, погруженный в раздумья. Ясно было одно: мне необходим совет, но единственным местом, где я мог бы получить его, была Спираль.

Возможно, мне и удалось бы добраться туда. Проще всего проникнуть из Сердцевины на Спираль в тех местах, где туманная граница между этими двумя мирами наиболее широка, в местах с перепутанной паутиной теней – в морских портах, на крупных речных вокзалах, в самых известных точках исторического паломничества. Переходы случались не только в местах с древней историей – со мной однажды такое произошло в сумеречных переходах чикагского О'Хэйра.¹⁵ Здесь тоже наверняка имелись переходы, но я плохо знал этот город, а пускаться в путь, не зная маршрута, значило подвергать себя дополнительной опасности. Да и Стриж вполне мог контролировать такие места, а мне больше всего не хотелось снова сталкиваться с ним. Уж кто-кто, а я-то знал о мстительности и одержимости этой старой каналы. Если Стриж действительно полагает, что я ему обязан, то он вряд ли об этом забудет. Но он мог бы задержать меня и только что... От одной мысли об этом меня бросило в холодный пот. Я однажды видел, как он заставил ветер перестать дуть, отчего паруса корабля на моих глазах безжизненно повисли. Так почему же он отпустил меня просто так?

Я тихонько выругался. Последнее время я что-то зачастил на бесплодную почву раздумий – только извожу себя попусту. Мне нужно развлечься в обществе более приятном, чем потеющие пьяницы в этом дурацком баре. Вечеринка у Лутца. Я хотел ее проигнорировать, но, пожалуй, немного светского лоска и блеска мне не повредит. Но сперва лучше отдохнуть часок-другой. Я буквально стащил себя со стула и, без всякого сожаления оставив недопитый кофе, решительно направился к лифтам. Я двигался чуть ли не на автопилоте и не сразу сообразил, что из кармана доносится назойливое пищание. Но, выудив маленькую машинку с мигающим красным огоньком, я тотчас очнулся. Механизм внешне напоминал крошечный калькулятор, и, собственно, так оно и было. Но это был одновременно и дорожный пейджер, подсоединенный к телефону в моем портфеле, а также к инфракрасным датчикам, срабатывающим на движение и встроенным в корпус этого портфеля. Я оказался у лестницы, потоптался несколько секунд в нерешительности на площадке, затем одумался и ринулся к лифту. Может, бегом по лестнице и вышло бы чуть быстрее, но на что я буду годен, когда, пробежав двадцать пять этажей, доберусь до своего номера?

Я с силой нажал на большую кнопку в центре и прыгнул в первую открывшуюся дверь, то благословляя, то проклиная Дейва. Благословляя, потому что именно он притащил в компанию консультантов по промышленному шпионажу и купил у них самую дорогую электронику; а проклинал потому, что механизм скорее всего просто дурака валял, отреагировав на изменение температуры в комнате, или на горничную, или на что-нибудь в этом роде. Все время, пока лифт неторопливо тащился наверх, я топтался на месте от нетерпения и на чем свет ругал себя за пристрастие к номерам на самой верхотуре. Добравшись до своего этажа, я выдохся и практически успокоился, не сомневаясь уже, что застаю какую-нибудь Stubenmader!¹⁶ турецкого происхождения за сменой постельного белья. Однако сквозь стеклянную стену на лест-

¹⁵ О'Хэйр (O'Hare) – международный аэропорт в Чикаго.

¹⁶ Горничная (нем.).

ничной площадке были видны мои окна, находившиеся напротив, и свет в номере не горел. Между тем крошечный экранчик показывал, что датчик все еще срабатывает. Я в одно мгновение, причем беззвучно, пролетел по коридору и на цыпочках подошел к двери своего номера, весь превратившись в слух. Однако ничего слышно не было. Если датчик сработал на горничную, та ходила чертовски тихо.

Я нервно сглотнул, лихорадочно пытаюсь сообразить, стоит ли звонить администратору или лучше схорониться за одним из растений в горшках и подождать, пока тот, кто у меня в номере, выйдет. Но в том и в другом случае я выставлю себя полнейшим идиотом, если выяснится, что я все выдумал. Однако позволять кому бы то ни было рыться в моих вещах мне не слишком-то хотелось. Я осторожно вставил пластиковую карточку-ключ в дверь и безумно медленно повернул ручку. Я знал, что дверной механизм работает беззвучно, словно крадущееся привидение, но как насчет петель? Я потихоньку-полегоньку приоткрыл дверь чуть-чуть – света видно не было. Я весь напрягся, приоткрыл еще чуть-чуть – сквозь щель видна была только кромешная тьма. Я уже собирался распахнуть дверь, как вдруг мне в голову пришли две бесконечно неприятные мысли: во-первых, если там кто-то есть, а свет при этом выключен, этот кто-то может стоять прямо за дверью, а во-вторых, в этом может быть замешан Ле Стриж. Я даже готов был склониться ко второй мысли, и склонился бы, если бы между его миром и цивилизацией лифтов, электронных кодовых замков и сигнализаций не было в моем представлении такой глубокой пропасти. Однако однажды я уже заплатил за свою уверенность в этом, и оказалось, что не так-то уж эта пропасть и глубока. Мне меньше всего хотелось налететь в темноте на него или одного из его помощников и приспешников. Я затаил дыхание и кое-что все-таки услышал: какое-то тихое потрескивание, пощелкивание, шипение... Этого оказалось достаточно.

Кровь бросилась мне в голову, я чувствовал, что отступать поздно: даже если бы я захотел теперь захлопнуть дверь, это могло у меня и не получиться. Руки у меня вспотели от волнения, и я с грустью подумал о здоровенном мече, так и висевшем у меня дома над камином. Если отсюда и правда можно было попасть на Спираль, я, возможно, смог бы его забрать. Но если это было не так, мне пришлось бы долго объяснять свое странное поведение. Лучше уж подождать. Я еще чуть-чуть приоткрыл дверь. Из-под двери в спальню проглядывала узкая полоска света.

Это был не обычный свет, он не походил на мягкое свечение ночника в спальне или на раздражающе-яркое освещение в ванной комнате. Этот свет имел тусклый сероватый оттенок, который нельзя было даже назвать опаловым – такой он был мрачный. И все же он казался странно знакомым. Несмотря на то, что свет был неярким, я все-таки смог убедиться, что ни в прихожей, ни в гостиной никого нет. Значит, кто бы это ни был, он засел в спальне. И тут, снова услышав тихий стук и звуки учащенного дыхания, я понял наконец, откуда исходит этот неяркий свет. Я в мгновение ока пересек прихожую, так что не успела еще входная дверь закрыться за мной, и ворвался в спальню.

В неярком свечении монитора я увидел, как с постели вскочила фигура, одетая в темное. Компьютер перевернулся, я мельком увидел нечто стройное и быстрое, как леопард, затем меня отшвырнуло назад к двери, а это что-то пролетело мимо. Но, видимо, недостаточно быстро: может, я и деревянный, но быстроте реакции научиться успел. Я схватил пробежавшего за руку. На ощупь она напоминала пучок завернутых в шелк стальных кабелей. Владелец руки, которого занесло от собственной скорости, не останавливаясь ни на мгновение, кинулся на меня. Кулаком съездил мне по щеке и уже тянулся к горлу. Я втянул голову в плечи, опустив подбородок к груди. Таким образом голова моя оказалась повернута не очень удобно для нападавшего. Драка в мои планы сейчас не входила, однако я все-таки хорошенько боднул противника, и он, зашатавшись, повалился на кровать. Я подлетел к постели и кинулся на него, и, хотя он откатился в сторону, я все же успел подмять под себя его руку. Незванный гость попытался

ухватить меня за пах, и у него это чуть не получилось, а затем наградил меня сокрушительным ударом по шее. Я с хрипением шлепнулся на спину, а он вскочил с кровати и кинулся наутек.

Ну что мне оставалось? Да, я лягнул убежавшего – мои длинные ноги вполне годились для такого. Пихнув взломщика под зад, я отправил его как раз в том направлении, куда он спешил, только чуть-чуть быстрее. Темная фигура, срикошетив от дверного косяка, рухнула на пол. Голова у меня все еще кружилась от ударов, но я скатился с кровати и, взгромоздившись на противника, съездил ему по носу, но вместо носа наткнулся на что-то шелковое, разорвавшееся от удара. И тут же сам получил увесистый тумак по подбородку. Другой кулак противника дал мне под дых, и, будь я среднестатистическим бизнесменом, с этого момента я превратился бы в боксерскую грушу.

Я упал навзничь, взломщик вскочил на ноги. И тут я приподнялся и, схватив его сзади, швырнул об дверь ванной. Это дало мне передышку, которой я воспользовался, чтобы встать на четвереньки, чувствуя, что меня сейчас вырвет, и изо всех сил стараясь, чтобы этого не произошло. Незваный гость вскочил на ноги. Мелькнула и опустилась затянутая в перчатку напряженная рука, и я получил классический удар ребром ладони по шее. Рука скользнула по волосам и, не нанеся больше особого ущерба моему здоровью, угодила в спинку кровати. Но вот уже другая рука рубанула меня по предплечью, которое тотчас онемело. Собрав последние силы, я перехватил руку в полете своей правой рукой, повалил противника плашмя на ковер и хорошенько треснул его локтем по почкам. Он лягнул меня и попал по коленной чашечке; удар был такой силы, что, не увернись я, он мог бы и расколоть эту хрупкую посуду. Но хоть удар и пришелся по касательной, все равно боль была такая, что я завопил и кинулся на противника, повалив его на пол. С этого момента мы превратились в единый ком сплетенных конечностей и сокрушительных ударов, отдельные из которых могли бы оказаться смертельными, если бы было побольше места для замаха и если бы мы могли наносить их по всем правилам. Я прошел отменную тренировку в школе грубых искусств, иногда под руководством друзей, иногда врагов. Но даже для меня этот человек был серьезным противником. Который к тому же пользовался запрещенными приемами. При малейшей возможности пальцы его с поразительной настойчивостью скользили к моим глазам, норовили заехать между ног или вцеплялись в рот, нос, уши и другие чувствительные места. По таким правилам я драться не хотел и не стал бы, даже если бы места было больше. Мы, по сути дела, занимались тем, что швыряли друг друга из угла в угол от кровати к стене, а всякий раз как кто-то из нас пытался подняться на ноги, другой пинком или каким-нибудь иным способом его с ног сбивал.

Конечно, кто-нибудь обязательно услышал бы шум драки, но была суббота, все разошлись ужинать, и в соседних номерах никого не было. Мне казалось, что мы деремся целую вечность, но на самом деле наверняка прошло совсем немного времени. Мало-помалу я начал кое-что понимать. Эти руки поначалу ввели меня в заблуждение: они казались сильными, да они и были довольно-таки сильными – но все-таки не такими сильными, как мои. Чем больше я усложнял свои удары и применял разные хитрости, тем более отчаянной становилась защита противника, тем больше он царапался. Наконец, когда он вцепился мне в нос, я не выдержал и отпустил его, пораженный такой беспринципностью, – и в тот же миг удар коленом в пах заставил меня согнуться пополам и застонать. Мой противник тем временем вскочил на ноги и очередной раз кинулся к двери, но тут же наткнулся на кровать, которую я, поднатужившись, вытолкнул в проход. Такого он не ожидал, потому что ему самому это было не под силу. И я, чтобы закрепить успех, нанес ему сокрушительный удар по основанию черепа. Он упал вперед, а я, навалившись на него всем телом, со всей силой вдавил его лицо в душающие объятия плотного гостиничного покрывала.

Моя ставка сыграла. Теперь он никуда не торопился. Одним коленом я прижимал к кровати его поясницу, другим – шею. Руки его запутались в покрывале, ногами он пытался лягаться – без особого успеха. Я чувствовал, как он бьется в конвульсиях, отчаянно пытаюсь

вдохнуть, при этом громко сопя. Если я его не отпущу в ближайшее время, он задохнется. Теперь он полностью в моей власти!

Я сел, отдышался, потер ушибы, – в общем, подождал, пока уровень адреналина придет в норму, и ощутил неземное блаженство оттого, что могу свободно дышать. Если у меня когда-нибудь и был более серьезный противник в драке, то лишь однажды, да и то это был не человек. Мне начинало надоедать просто сидеть и ничего не делать, и я решил обыскать поверженного противника. Попытки вырваться возобновились с новой силой, но я не обратил на это никакого внимания. Взломщик был одет в обтягивающий спортивный костюм, источавший запах пота и чего-то еще, должно быть лосьона после бритья. Где же карманы? Нашупав один, я вытряхнул оттуда металлические инструменты, скрепленные кольцом, и связку пластиковых карточек с дырочками. Я решил, что это приспособления для взлома – и довольно хитроумные, раз с их помощью удалось открыть дверь в номер. Может, еще что найду? Я порылся в кармане брюк, и рука моя так и замерла на месте. Тело подо мной задрожало, хотя я в подобной ситуации, наверное, дрожал бы куда сильнее.

Выбитый из колеи, недоумевающий и удивленный, я откатился назад по кровати. Все это лишь доказывало, что я даже более честный боец, чем сам думал.

Я спрыгнул с кровати, на ходу поставил на место компьютер и включил свет в комнате. Бросил взгляд на приподнявшееся с кровати лицо, все в кровоподтеках и мокрое от пота. Из одной ноздри тонкой струйкой сочилась кровь; ключьями свисали остатки полумаски.

– И не думай даже! – рявкнул я, заметив, как предательски блеснул единственный открытый глаз. – На телефоне – кнопка тревоги. Только пошевелишься – и я нажму ее. Не думаю, что ты в твоём теперешнем состоянии сумеешь со мной справиться, – что, я не прав?

Женщина поникла головой и громко всхлипнула, не сумев сдержаться. Этот всхлип был красноречивее любого ругательства. Я отвел глаза и, как это ни смешно, почувствовал себя виноватым. И тогда я увидел провода, протянутые от компьютера к дополнительной розетке, которую установили для факса и модема. Я взглянул на монитор, и на меня снизошло озарение: в главном окне мелькала информация о моих деловых связях. Я нажал на клавишу «pause».

– И куда же это вы пересылали мои файлы? – поинтересовался я.

Женщина ничего не ответила.

– Ich fragte, wohin Sie meine Dateien kopieren wollten? Je viens de vous demander ou exactement vous avez voulu copier mes fichiers? ¹⁷ Hein? Mei archivi – dovei? ¹⁸ Los ficheros... ¹⁹

Она пробормотала что-то довольно неприличное.

– О'кей, в таком случае будем говорить по-английски. Вам знакомо такое выражение, как *промышленный шпионаж*?

Молчание. Я взглянул на нее повнимательнее. Так, ничего особенного. Только что высокая; неплохая фигура; гибкая, как пантера, – что правда, то правда, и грудь вроде ничего. Но все впечатление портило лицо. В этот момент оно выглядело ужасно: один глаз распух и посинел, разбитая губа вздулась, а из носа все еще сочились кровь и слизь. Но я сильно подозревал, что и в лучшие времена обладательница этого лица не победила бы на конкурсе красоты. Лицо ее выражало горькое разочарование и было таким же твердым, как ее кулаки, – начиная от глубокой V-образной складки между бровями и заканчивая выражавшими чувство неудовлетворенности глубокими морщинами по обеим сторонам от ее длинного носа и тяжелого рта. Глаз, который оставался открытым, был глубоко посаженным, очень темным и слегка косил. Он казался более узким от морщинок, наложенных нервным и тяжелым характером. Волосы у пленницы были черные и короткие. Сейчас они слиплись от пота и облепили ее голову, и

¹⁷ Я спрашиваю, куда вы хотели переслать мои файлы? (нем.; фр.)

¹⁸ Мои файлы – куда? (итал.)

¹⁹ Файлы... (исп.)

поэтому сказать о них что-то определенное было невозможно. С этим выражением на лице ей можно было бы дать любой возраст, – возможно, сорок; но, взглянув на шею, я решил скинуть десять лет или даже больше. Такие лица я видел у женщин-гимнасток, у тех, которые потерпели поражение. Но это было вовсе не смирившееся лицо; напротив, это было лицо, дышавшее ненавистью, причем совершенно независимо от того, справедливо это чувство или нет.

И все же я попытался спросить еще раз:

– Не заблагодарасудится ли вам все же сказать мне что-нибудь? Например, кто вы и что здесь делаете? Вам сейчас, если я правильно понимаю, могут пригодиться несколько лишних баллов в вашу пользу.

– Есть люди, которые знают, где я, – произнесла она ничего не выражающим низким голосом. – Если вы мне что-нибудь сделаете, они вас найдут.

Я пожал плечами. Она была тверда, как стена, и собиралась продолжать в том же духе. Я взглянул на номер телефона, куда она перекачивала мои данные, – 010—33. Французский, ведь там нет территориальных кодов. С другой стороны, этот номер выглядел точь-в-точь как страсбургский. Я ввел команду зарегистрировать его, а заодно и довольно недвусмысленное ругательство и отменил передачу информации. И тут же вскочил – как раз вовремя, чтобы остановить ее: она кинулась через кровать к компьютеру. Я подхватил его и выдернул провода из розетки.

– Как вы себя ведете!

Я уже приготовился, что она с диким воплем вцепится мне в горло, но вместо этого она устало опустила ноги на пол и закрыла лицо руками. Я, не спуская с нее глаз, осторожно поставил компьютер на место.

– Вы, похоже, выводов не делаете! Думаю, мне лучше сию же секунду позвонить администратору и вызвать сюда парочку дюжих портье, чтобы они вас проводили к копам.

Она презрительно фыркнула и громко сплюнула:

– Ну давай! Попробуй, черт тебя дери! Но ты же не сделаешь этого – слабо тебе! Иначе что же станет с твоими драгоценными секретами?

В ее голосе появились железные нотки. Мне уже где-то доводилось слышать что-то подобное – но где? Тот же резкий монотонный голос, налитый свинцом сарказма и сознания собственной правоты, – обладатель такого голоса знает, что правда на его стороне, но не получает от этого наслаждения.

– Когда они увидят, чем нашпигована твоя машина, у них может появиться к тебе несколько вопросов!

Я удивленно моргнул. Ладно, согласен, в тех файлах были коммерческие секреты, но ничего из ряда вон выходящего.

– О чем это вы?

Она чуть не плевалась от возмущения.

– Да о тебе! О тебе и твоих дружках, твоих, с позволения сказать, коллегах, занятых перевозками по Европе. Только не думайте, что никто не знает о ваших делишках! Одни имена чего стоят – достаточно их услышать, и тем, кто знает, все сразу становится ясно!

– Что именно ясно?

– Да ладно тебе! Все эти сукины дети! Да разве они могут быть замешаны в чем-нибудь приличном? Если половина – уцелевшая от коммунистических режимов номенклатура, можно даже сказать птицы высокого полета, а остальные – продажные жирные коты, с которыми они водились и в былые времена? А еще экстремисты, как, например, твой закадычный дружок, герр барон!

– Лутц фон Амернинген? А с ним-то что не так?

Она театральным жестом пожала плечами:

– Да так, ничего особенного. Просто все эти новомодные течения последнее время плодятся как грибы после дождя. И не только здесь, в Германии, а по всей Европе. Как они все заинтересовались гарнизонами и оружейными складами и уличными демонстрациями – такими, как сегодня! Называются они все по-разному, но стоит-то за ними, в сущности, одно и то же – неонацизм. А барон – главный заводила в большинстве из них. Но вы, уж конечно же, этого тоже не знали, так?

Я прислонился к стене.

– Как ни странно, но не знал.

– Ну что вы, нет, не приведи Господь! – воскликнула она злорадно. – И уж конечно, вы ни одному моему слову не верите, не так ли?

Я пожал плечами:

– А разве это имеет значение? Как это ни прискорбно, но вести дела на старом добром Востоке без связей с подобными типами невозможно. На момент перестройки в странах Восточной Европы они были единственными, кто обладал навыками управления, и, понятное дело, они оказались в центре событий. Но они не представляют особой опасности. А насчет Лутца – я, пожалуй, мог бы и поверить вам. У его отца, если не ошибаюсь, не самый чистый послужной список. Да и сам Лутц мне никогда особенно не нравился.

– Отец, говорите? – Ее почему-то перекосило от моих слов. Она огляделась вокруг и внезапно кинулась к туалетному столику. Я весь напрягся – ее быстрота меня пугала, – но она всего лишь схватила что-то, оказавшееся длинной белой карточкой. Она кинула ее мне под ноги. Приглашение Лутца. – А об этом что вы скажете?

– Это впервые, – произнес я спокойно. – И я не знаю, идти туда или нет.

Она ехидно ухмыльнулась.

Я снова пожал плечами:

– Думайте что хотите, мне плевать. Я не собираюсь ничего доказывать. Все, что мне известно об этих людях, – это то, что они признанные и уважаемые бизнесмены как в своих странах, так и по всей Европе, и именно поэтому моя фирма сотрудничает с ними. Даже если предположить, что в ваших словах есть доля правды, что у них в прошлом не все так чисто, никакой грязи в наши с ними дела не проникло. Ни в дела работы, ни в дела веселья – хотя мы не то чтобы уж очень много с ними развлекались. И моя фирма ни в чем – я хочу сказать, совершенно *ни в чем и никогда* – замешана не была. У нас безупречный послужной список, никаких политических связей, ни с какими партиями мы не сотрудничаем. И от чего же вы в таком случае отталкиваетесь в ваших подозрениях? Кем бы вы ни были.

Она бросила на меня уничтожающий взгляд и ничего не сказала. Я ни малейшим образом не поколебал ее убеждений. Теперь я понял, кого мне напомнил ее голос: одну из моих первых учительниц, ни больше ни меньше, – вечно всем недовольную и раздражительную пожилую особу, твердо убежденную, что дети всегда строят против нее заговоры, и получавшую мстительное удовольствие, когда ей удавалось их на этом подловить. Само собой разумеется, что вскоре дети и вправду стали строить ей козни. У этой дамочки скорее всего та же проблема. Я пораскинул мозгами, выжидая. Едва ли она из полиции – она сказала о копах «они». К тому же она чересчур несдержанна. Я все больше и больше склонялся к мысли, что ко мне в руки попала какая-то одержимая репортерша-сыщик. Для подачи заявления в суд имелось бесконечное множество причин – нарушение частной собственности, нападение, кража информации, какие бы термины немцы ни использовали для обозначения взлома и вторжения. Но эта убежденная в собственной правоте ответчица на скамье подсудимых могла набросать вокруг себя такую кучу грязи, что часть могла попасть в цель и прилипнуть.

– Ну что? – осведомилась она. – Не терпится побыстрее вызвать полицию, так?

– Да уж, хватит с меня вашего общества, – ответил я. – Убирайтесь!

– Может, хотите, чтобы я им сама позвонила? – сладким голосом спросила она. – Нет? Вот ведь странное дело...

Я схватил ее за шиворот и, стащив с кровати, поставил на ноги.

– Нам сейчас ваша грязная шумиха не нужна, – сказал я, шаря по еще не обысканным карманам и выуживая оттуда один за другим инструменты для взлома, а вслед за ними ключ от гостиничного номера. Никакого удостоверения, совершенно ничего. Я нащупал шов в том месте, где на костюме была пришита бирка, которую потом отпорол. – Только поэтому я так легко отпускаю вас. Слушайте внимательно: завтра первым делом вы выедете из номера... – я посмотрел на табличку и швырнул ключ ей обратно, – тысяча семьсот двадцать шесть. В противном случае я позабочусь о том, чтобы вас вышвырнули оттуда. Вы меня поняли? Это мне нетрудно сделать, можете мне поверить.

– Я вам верю! – прошипела она.

– Ну и ладно!

Я указал пальцем на входную дверь, и она, прихрамывая, прошла мимо меня. Надо сказать, по комнате она шла с намеренно вызывающим видом, обнаглев до того, что остановилась, чтобы поднять по дороге стопку бумаг, и мне пришлось схватить ее за руку и вытолкать в коридор. Она зашаталась на толстом ковре, но не упала. Собралась, бросила на меня последний испепеляющий взгляд, проворчала что-то сквозь зубы и, немного переигрывая, с чувством собственного достоинства двинулась вперед по коридору, хотя ее попытка не хромать была чересчур нарочита. Я некоторое время смотрел ей вслед, затем отпустил дверь. Но амортизатор остановил дверь, не дав ей закрыться до конца, и до меня донесся вскрик, поспешно подавленный. Внезапно я почувствовал себя гораздо менее безупречным и справедливым, и это меня порядком взбесило.

Я пошел в ванную, чтобы принять душ, стараясь не встречаться взглядом со своим отражением в зеркале. Я ведь никак не мог этого предотвратить, правда? Она не особенно-то церемонилась со мной. Если бы я не отбивался изо всех сил, она бы сделала из меня отбивную и смылась, вполне возможно прихватив компьютер. По крайней мере, она не пыталась сыграть на том, что она женщина. Как правило, такая игра имеет две основные формы, в одной из которых внешность незваной гостьи была бы не в ее пользу. Это лицо – или я видел только маску? Я попробовал представить ее без этой маски – и не смог. Гримаса презрения – если только она не изобразила ее намеренно. Если так, то зачем? Я уже начинал жалеть, что отпустил ее так легко. Мне следовало попытаться выяснить побольше. С другой стороны, не мог же я выбивать из нее признание силой. Горячая вода попала на царапины, и я зажмурился от боли. Она чуть дух из меня не вышибла, черт возьми! Где она только научилась так драться? И как ей удается поддерживать себя в такой прекрасной форме? Как мне с помощью альпинизма?

Альпинизм.

Номер 1726 – это значит семнадцатый этаж. Спуститься на четыре этажа вниз. Где бы могла быть комната 26? В этом крыле здания, но в торце – один из самых дешевых номеров. Все сходится. Я поднял одну из маленьких шуток, которые вытряхнул из ее карманов, – жучок, если я в этом что-нибудь понимаю. Едва не попался на крючок. Меня передернуло: я почувствовал себя крайне неудобно. Затем я раздавил злобное приспособление пальцами. Это называется слезка, не так ли? Ну покажу я этой сучке, черт возьми, как такое следует делать! Идея была сумасбродная, но она с каждой минутой нравилась мне своим мрачным юмором все больше и больше. Я кинулся к шкафам, по которым портье распихали мои чемоданы, и принялся рыться в вещах. Благо альпинистское снаряжение, надеясь на прогулку в горы, я захватил с собой.

Яркая одежда из лайкры не подойдет. Я натянул серый бадлон с капюшоном, темные джинсы, закрепил поверх них усложненный вариант снаряжения и принялся набивать сумку зацепами, тросами и отборнейшими штифтами, которые я уже давно мечтал испытать в деле.

Мне потребовалось не больше минуты, чтобы натянуть ботинки – те, что с ультрагибкой подошвой, – и прихватить с собой немалых размеров моток веревки, легкой как перышко, к которой при помощи карабинов крепились зацепы и спусковой механизм. Рамы в окнах были крепкие, двустворчатые, и они должны были без труда выдержать мой вес, даже если я хорошенько раскачаюсь перед приземлением. При мысли об этом я с обожанием покосился на шлем, но он был кислотно-желтого цвета и стал бы сиять не хуже маяка, отражая подсветку фасада. Я перекинул ногу через подоконник, бросил взгляд на карниз и дальше – и у меня захватило дух. Автостоянка казалась отсюда морем машинных крыш, излучавшим мягкое свечение, и я даже слишком живо представил себе, как с огромной скоростью лечу вниз, навстречу этому морю, – возможно, даже вижу свое отражение в рафинированном блеске, который все ближе и ближе, и вот уже он готов принять меня через какое-то губительное мгновение и слиться со мной в единое целое, частица с античастицей...

Я вздрогнул и пришёл в себя. К подобным ужасам я уже давно привык; альпинист, который уверяет, будто никогда не смотрит вниз, лжет. От этого зрелища вас может иногда сковать ужас на несколько долгих мгновений, даже если вы начинаете подниматься от самой подошвы горы и покоряете вершину, постепенно привыкая к ней. Спуск со страховкой всегда не очень-то импонировал мне, однако сейчас подгоняла необходимость быстроты. Но разве я однажды не спускался по стене отеля в Бангкоке? И повыше стеночка была, чем здесь. Согласен: тогда я толком и не знал, что карабкаюсь по стене, но разве это так уж важно? Я с готовностью перекинул через подоконник вторую ногу, поморщился, задев ушибленное место, пошарил рукой внизу, нащупал край карниза, оттолкнулся от него и, доверившись двойному тросу, заскользил вниз – все ниже и ниже, пока трос не натянулся. Теперь я практически шел вниз по гладкому бетонному фасаду отеля. Находись мой номер на несколько этажей ниже, и мне бы не удалась эта выходка. Меня бы выдала предательская подсветка фасада. Здесь же, наверху, свет был не такой яркий – чтобы хорошо было видно светящееся название отеля на крыше; а уж в тени все коты-взломщики серы.

Спуститься труда не составило. Добравшись, как мне показалось, до нужного этажа, я стал присматривать место, куда можно загнать штифт. Этот ультрамодный фасад был сверху донизу покрыт щелями и впадинами, но все они были чересчур велики даже для самого гигантского штифта. Я несколько секунд попотел над решением этой задачки, но делать было нечего: или я возвращаюсь обратно наверх, или преодолеваю оставшийся отрезок – будь он проклят – одним прыжком. Я с опаской покосился вниз – пока никто там не кричал и пальцами на меня не показывал; но еще не вечер. Нельзя терять ни секунды. Я принялся раскачиваться, с каждым разом отталкиваясь все дальше и дальше от стены. Но стоило мне почти достичь нужной высоты, и я тут же живо представил, как влетаю на полной скорости в окно, а острые лезвия разбитых стекол сдирают с меня кожу и мясо...

Черт с ними, с этими страхами! Я качнулся вбок и отпустил веревку. Я отлетел от стены со звуком рвущейся холстины, и меня стало заносить вбок, пока трос не попал на массивную угловую колонну и не забросил меня за угол. Я схватился за спусковой механизм, а бетонная стена уже спешила мне навстречу, вонзаясь в ладони, колени и все другие части тела, которые смогли судорожно в нее вцепиться. Я закачался, ухватился за стену, поскользнулся, подтянулся. Пальцем зацепился за отверстие в стене, другим нащупал еще одно, вот уже и нога нашла подходящий выступ, – ушибы мои ныли, но я действовал молниеносно. Я глубоко вздохнул, посмотрел наверх и сосчитал этажи. Спустился на один лишний... Хорошо. К тому же на этой стороне здания меня почти невозможно заметить снизу. Я полез наверх, подтягивая свисающую веревку и следя, чтобы ее не было видно из окон. Вот там, выше и правее, – это, должно быть, окно комнаты 1726. Створки чуть приоткрыты. Только я пальцами зацепился за выступ окна, как на меня упал луч прожектора. Я с отчаянной поспешностью подтянулся, припал к стене, вися на одних пальцах; карниз заскрипел и пошатнулся. Нужно быть осторож-

нее – наверняка где-нибудь неподалеку окажется еще и служба охраны, которая как раз для отлова таких сумасшедших, как я, и существует. Занавески были раздернуты, я, откинув с лица капюшон, заглянул внутрь, чуть приподнявшись над уровнем подоконника. Вот она – идет медленно, только что закрыла за собой дверь. Наверное, решила, что лучше пойдет по лестнице, чем встретит кого-нибудь в таком виде в лифте. Долго и мучительно медленно тащилась, и каждый шаг болью отдавался в ее теле. Добравшись до кресла, она рухнула в него как подкошенная и, по-видимому окончательно выбившись из сил, затряслась от рыданий. В комнате больше никого не было. Ни звука, ни движения. Она была одна.

Моя идиотская, не поддающаяся уговорам разума совесть снова кольнула меня. И я спрятал голову. Пальцы и икроножные мышцы затекли; я обшарил все вокруг и нашел подходящие расщелины, куда мне удалось загнать пару шурупов. Их раздвоенные шляпки, раздвинувшись, вонзились в грязный бетон, а я прицепил к ним опоясывавшие меня ремни. И успел поймать самое интересное зрелище: она уже встала и расстегивала молнию на костюме. Она прошла туда-сюда, и я увидел, как отвергнутый костюм молниеносно пролетел по комнате; должно быть, она пнула его ногой. Вслед за ним отправилась и футболка, и я увидел ее обнаженную руку, которая поднималась вверх по мере того, как ее хозяйка озабоченно ощупывала кровоподтеки в районе ребер, – ясное дело, проверяла, есть ли переломы. Моя поганая совесть теперь уже буквально визжала как резаная; с другой стороны, у меня тоже нашлась бы паратройка ушибов, о которых можно было поговорить. К тому же, если говорить начистоту, зрелище доставляло мне искреннее удовольствие: спина у нее была вовсе недурна, насколько я мог судить по тому, что мне удалось увидеть, а видно мне было, к сожалению, совсем немного. А тут она и вовсе скрылась из виду. Неторопливо, осторожно я подтянулся на подоконнике, спрятался за раздвинутыми занавесками и очень медленно огляделся по сторонам.

Первое, что бросилось мне в глаза, – были трусики, лежавшие рядом с отвергнутым костюмом. Боже мой. А вот и она, все еще стоит ко мне спиной – и правда ничего, вполне сойдет, – налила порядочный стакан из единственной бутылки, стоявшей в мини-баре, и жадно отхлебнула. Проглотила, нетерпеливо провела рукой по глазам, снова отхлебнула, сжав стакан обеими руками. Она повернулась в мою сторону, и я скользнул назад, спрятавшись в тени занавески. Увидел, как она, прихрамывая, подошла к стулу, стоявшему рядом с телефоном. Наклонилась к нему – а у нее и вправду превосходная спина, – неуверенно коснулась его, как будто испугавшись, затем грубо выругалась и стала набирать какой-то номер.

– Алло? Будьте добры, Центр д'Ординатур, компьютерный зал. Это Жорж, да? Ну, Жорж? Ты ведь получил эти файлы... получил-таки, замечательно!

Очевидно, у нее гора с плеч свалилась; она вся обмякла и снова отхлебнула из своего стакана.

– Ну так что, этого достаточно?

Долгое молчание.

– Что ты хочешь этим сказать? Жорж, ты себе не представляешь, через что я прошла, чтобы раздобыть их. Если ты что-нибудь напортил...

Еще более длительное молчание, затем – крик отчаяния:

– Не может быть! Жорж, там должно хоть *что-нибудь* быть! Я имею в виду... мы ведь договорились, так? Конечно договорились, ты сам так сказал! Мистер Чистюля хренов посреди всего этого гадюшника! Со всеми своими исчезновениями, для которых у нас нет объяснений! А ты ведь проверил его электронную почту?

Молчание.

– Но ты уверен, что они все всего лишь его пассии? А как насчет китайской сучки? Ну ладно, ладно! Значит, он просто хладнокровный ублюдок и обращается с ними как с грязью под ногами. Да чего от него еще можно ожидать! Ну хорошо.

Она задумалась на мгновение. Ясно было, что в ней все так и кипит. В этом она была, впрочем, не одинока.

– Хорошо, – повторила она голосом, который выражал совершенно противоположное. – Жаль, что ты не видел его, этого ублюдка! Сегодня все эти демонстрации, а красавчик проезжает мимо них на машине с фон Амернингенем, и оба в ус не дуют! Все это похоже на Веймар начала тридцатых: они проверяют систему на прочность, замышляется что-то поистине грандиозное – настоящий переворот. Вполне возможно, что они собираются задействовать его новую транспортную сеть, – например, заставят всех поверить в ее благонадежность, потом свернут все дельце, прихватят денежки – и только их и видели! А как тебе идея перебрасывать запасы или даже вооружение – и никакого контроля. И к тому же быстро – речь ведь идет о блицкриге! Слушай, Жорж, этот замысел слишком грандиозный, и скорее всего всем этим заведует Верховный Комиссар – я имею в виду, что все держится на Фишере! Убрать его, а может, еще барона, и все остальное разрушить нам не составит труда.

Молчание.

– Да нет, я раздобыла-таки новые доказательства – милашка тренировался, это уж наверняка! Откуда я знаю? Вполне возможно, что с ИРА²⁰ в Ливии. Да где бы это ни происходило – он силен, даже слишком. Да. Ну, я его задержала, ему пришлось меня отпустить, ты же знаешь, что во всем департаменте никто... Да ладно тебе, Жорж, ты не лучше, чем остальные! Хватит спорить! Кроме него и быть некому! Самое время нам выступить и растерзать его, смешать его с грязью... Жорж! Да ты на чьей стороне, я что-то не пойму? Не корми меня этими баснями! Эта карта не сыграла, ну и что же? Да. Да, я погорела. Откуда мне знать, записал он номер или нет! Вполне возможно, что записал, но я не думаю. Да брось ты, он и так наверняка уже знал об этом – он ведь Великий Мозговой Центр, не так ли? Да брось ты! Если ты продолжишь Бернгеймеру рассказывать все эти небылицы, меня от этого дела отстранят, это ты хоть понимаешь? Я имею в виду, может быть... *Нет, Жорж!* Нет!

Рука ее дрогнула, и трубка опустилась. Она чуть не уронила ее, и я подумал было, что она сейчас бросит ее на рычаг. Она посмотрела на трубку, и лицо ее скривилось.

– Ну и черт с тобой, – произнесла она и мягко опустила трубку.

Она поднялась, и я еще яснее, чем ее наготу, увидел покрасневшие и наливавшиеся черным пятна от ушибов. Она выглядела так, будто побывала на бойне. Но я вспомнил о том, как вторглись в мое жилище, перекачали мои файлы, вывели все о моих подружках, вспомнил о злобности разочарованного голоса, который извращал и перевирал истину, чтобы подогнать ее под собственные подозрения. Моя совесть заткнулась, сложила ручки и стала наслаждаться зрелищем.

Она повертела стакан в руках, поставила его обратно в бар и пошла в ванную с чувством оскорбленного достоинства, похожая на робота-балерину. Через несколько минут я услышал, как зашумела вода в унитазе и включился душ. Неплохая задумка – мне тоже может пригодиться. Я выдернул штифты, собрался с силами и резко оттолкнулся от стены, отлетев от нее и очутившись на открытом пространстве, затем обогнул гребень стены и оказался снова у фасада отеля. На сей раз мне не понадобилось цепляться за стену – я стукнулся о нее, отлетел, схватился за подъемный механизм и принялся быстро подтягивать себя наверх. Руки ломило от напряжения, а я направлял веревку ногами, стараясь, чтобы ее не было видно из окон. Мне придавало сил чувство облегчения, ведь теперь я знал, из-за чего вышел весь этот сыр-бор.

Страсбургский номер, Горан Бернгеймер, торговый представитель Европейского Союза. Значит, Жанна д'Арк – торговый инспектор ЕС. Хорошенькая работенка для параноика. Но судя по тому, что я слышал обо всей этой честной компании, ее скоро снимут с моего следа:

²⁰ Ирландская республиканская армия.

Бернгеймер не идиот. Чувства облегчения хватило на всю дорогу обратно в номер... почти на всю.

Я был уже на подоконнике, как вдруг мне в сердце закрался холодок. О'кей, она всего лишь чересчур рьяный полицейский-маньяк – такие обычно заканчивают тем, что подтасовывают факты. Ну-ка пусть теперь попробует! Но все же она в некотором роде коп, а не обычный любитель покопаться в грязном белье. И это придавало больший вес всему, что она говорила, – гораздо больший вес. Ладно, насчет меня она ошиблась, но главной причиной, по которой она меня подозревала, по-видимому, были те круги, в которых я вращался. Я решил уж было, что она и в отношении их заблуждается, – но так ли уж она была не права? О них она говорила с полной уверенностью, и, судя по всему, Жорж на дальнем конце провода был того же мнения. И увереннее всего они были в отношении Лутца.

Я скользнул в окно, жмурясь от боли, когда задевал ушибленные места, и напрямик направился в ванную, это место притяжения для философов. Над огромной ванной висел в наклонном положении телевизор, но выпуски новостей, которые передавали, пока я топил свою боль в дымящейся паром ванне, были не очень-то утешительны. Они были напичканы информацией о демонстрациях, которые прошли здесь и в Варшаве. Польские скинхеды сцепились с головорезами из неокommунистов. И те, и другие выглядели одинаково ужасающе. А уж главари – так тех и вовсе невозможно было отличить друг от друга и, если уж на то пошло, от тех, кого я видел здесь. Европа становилась теперь вся на одно лицо, и лицо это мне не нравилось. Я кое-как вытащил себя из-под душа и позвонил вниз, в службу дополнительных услуг, чтобы мне принесли вечерний фрак и привели в порядок мою машину. Я все-таки решил заглянуть на вечеринку к Лутцу.

Я взял напрокат спортивную «БМВ» новой модели, а так как в вечернее время на дорогах становилось свободнее, я за рекордно короткое время выехал из города и оказался на пригородном шоссе. Оно вывело меня каким-то витиеватым путем к маленькой деревушке, представлявшей собой единственный уцелевший кусочек некогда обширных владений Америкенингенов. Деревушка по-спартански ютилась в тени пышно разукрашенных ворот в стиле барокко. Несмотря на то что привратники тоже были одеты в смокинги и даже невзирая на их безупречную вежливость, их невозможно было спутать с гостями или официантами: их гигантский рост и квадратные головы делали их похожими на прусских гренадер. Судя по виду, они должны были топтать как слоны, но они передвигались с грацией атлетов. Один из них мило беседовал со мной по-английски, а другие ненавязчиво скользнули взглядами по мне и моему приглашению, сверяясь с каким-то невидимым глазу списком. Затем они распахнули передо мной ворота с такой любезностью, что любой простил бы задержку. Неяркие огоньки мерцали то тут, то там в кустах, пока я проезжал мимо, а затем затухали позади, и длинная дорожка тонула в тени.

Направляясь в фамильную усадьбу баварских баронов, вы наверняка ожидали бы увидеть некую невероятную готическую мешанину из башенок и бастионов или, на худой конец, старинный, пронизанный солнечным светом Schloss ²¹ в деревенском стиле, который битком набит оленьими головами и каминами. Ничего подобного я не увидел. Я остановил машину у парадных дверей просторного, представительного дома, построенного с большим вкусом, который, судя по стеклянному куполу и другим подобным прибабасам, хорошо подошел бы дворянину восемнадцатого века, предававшемуся праздному времяпрепровождению. Предки Лутца любили пожить на широкую ногу, это ясно. Если тут где и был старинный замок, то скорее всего в виде живописных развалин в саду. Это место скорее наводило на мысль о глотке «куантро», нежели о кружках с пивом, и, судя по шуму, раздававшемуся как только распахнулись высокие передние двери, внутри сейчас шел довольно активный процесс поглощения спирт-

²¹ Дворец (нем.).

ных напитков. Мне навстречу высыпала орава лакеев под предводительством Юоны лет пятидесяти пяти, которая в молодости наверняка была очень даже ничего, да и сейчас, несмотря на строгий деловой костюм, на нее вполне можно было глаз положить. Она приветствовала меня, как своего любимого племянника, и, заговорщически улыбнувшись, представилась:

– Инга-Луиза, мажордом господина барона.

Заверив меня, что герр барон с нетерпением ждет герра Ratspraesident'a²² – под этим названием подразумевался я, – она с присущим ей изяществом увлекла меня за собой внутрь дома.

Пройдя через холл и двойные двери, мы попали во внушительных размеров комнату. Когда-то под ее колоннадами, должно быть, раздавались утонченные звуки вальсов и кадрилей, теперь же здесь царствовало полное смешение декораций и разноцветной иллюминации, а по полу были в беспорядке раскиданы кушетки и диванные подушки, на которых возлежали тела. В воздухе висел дым и смрад; пахло ароматическим табаком и бешеными деньгами, а также отвратительной смесью дорогих духов и пота богачей. Время от времени какой-нибудь заплутавший лазерный луч, ворвавшийся в дом со двора, где шла дискотека, отражался от покачивающихся сережек и переливающихся кофточек, проводил горячим бесплотным пальцем по голому плечу и скользил ниже. Пока мы пробирались вдоль стены, мимо лежащих поодиночке или переплетенных друг с другом тел, дверь сбоку внезапно распахнулась и раздались крики и вопли.

По мраморному полу забегали босые ноги, и мы оказались в окружении теплых, наполовину обнаженных тел. Девушки поспешно нацепили на себя одежду, по крайней мере большинство из них, хотя некоторые и были в трусиках; мужчины же, все как один в рубашках и носках, имели потрепанный вид и смотрели вокруг себя остекленелыми, непонимающими глазами. Кто-то сунул мне под нос руку и щелкнул маленькой хлопушкой. Почувствовав сладковатый привкус амилнитрата, я быстро отошел прочь, вызвав раскаты хохота. Инга-Луиза одобрительно мне улыбнулась.

Затем они скрылись, повалив вниз по лестнице, ведущей, по-видимому, к закрытому бассейну – судя по вскрикам и всплескам. Один или двое, однако, не последовали общему примеру и скрылись в другую дверь, находившуюся прямо передо мной. Инга-Луиза, бросив на меня озорной и в то же время простодушный взгляд, слегка приотворила дверь, чтобы посмотреть, что там происходит. Мы переглянулись и хихикнули.

– Вот это зрелище! Надеюсь, они не переборщат с травкой, а то завтра утром придется отсюда вынести несколько трупов. – Она снова одарила меня своим слегка дразнящим одобрительным взглядом. – Герр Ratspraesident не потакает подобным шалостям?

– Ну, я иногда очень даже не прочь пошалить. Но меня интересуют другие вершины, настоящие. Я верю, что, покоряя их, я дольше останусь молодым.

Она улыбнулась и, взяв с подноса у слуга бокал в форме тюльпана, наполненный шампанским, подала его мне:

– Герр Ratspraesident выглядит моложе, чем я себе представляла, особенно для человека, который столь многого достиг. Это очень ценное качество для мужчины.

– Ну, герр барон выглядит не хуже меня. Вы, должно быть, очень о нем заботитесь.

Она улыбнулась, и на ее щеках обозначились ямочки, но улыбка ее была невеселой.

– Слава Богу, уж что-что, а заботиться о себе он умеет даже слишком хорошо.

– Я и не сомневаюсь, – усмехнулся я.

Однако я невольно задумался, было ли выражение ее лица вызвано недостаточным знанием английского, или она хотела меня ненавязчиво предупредить, чтобы я был осторожен и следил за тем, что происходит у меня за спиной. Очень мило с ее стороны, но я и сам не лыком

²² Председатель совета (нем.).

шит. С тех самых пор как я начал иметь дело с бароном фон Амернингенем, я сразу понял, что, несмотря на всю его панъевропейскую брехню, круг его интересов сводился главным образом к нему самому, ведь в этом человеке главным был инстинкт самосохранения. Мой добрый друг Дейв однажды заметил, что таких попробуй раскуси. Думаю, он был прав.

Я все смотрел, не идет ли Лутц, но на это и намекать не было, и Инга-Луиза вела меня, казалось, в какое-то потайное место. Мы прошли по огромному дому, то и дело натываясь на оргии местного масштаба, и направились к тому, что, наверное, являлось черной лестницей. По ней мы поднялись на два этажа, и там оглушительный шум дискотеки напоминал о себе только легким подрагиванием пола под ногами. Впереди виднелись еще двери, не такие огромные, как дверь в танцевальный зал, а тяжелые и по-деловому безыскусные. Швейцары, прохлаждавшиеся перед ними на стульях, повскакивали с них, завидев нас. Да нет, не были они похожи на швейцаров – скорее на тех бугаев, которые стояли на страже у ворот, но если те хоть пытались соблюдать приличия и быть любезными, то у этих вид был совершенно бандитский: носы картошкой и надорванные, как у борцов, уши; пороссячи глазки горели злорадным огнем. Инга-Луиза передала меня на их попечение, улыбнулась, как будто извиняясь, и, сказав: «Дальше я не хожу» – удалилась, лукаво и немного натянуто усмехнувшись. Я слышал, как шум ее торопливых шагов, стихая, раздавался по коридору, и мне показалось, что ей хочется скрыться на лестнице прежде, чем двери откроются.

Когда же они наконец открылись, меня чуть не постигло разочарование. После блеска и движения *бомонда* внизу это убежище выглядело до абсурда умиротворенно: спокойное общество, которое, кроме тихого журчания беседы, никаких звуков не производило. Впрочем, когда я присмотрелся повнимательнее, обстановка показалась мне несколько странной: хоть беседа и была чинной, самих беседовавших таковыми назвать было нельзя. Когда двери за мной закрылись и один из слуг взял мой пустой бокал и дал взамен полный, я нос к носу столкнулся с парочкой типов с глазами навывкате, напоминавших рок-музыкантов: вандалы средних лет и непонятного пола, с выкрашенными в два разных цвета волосами, одетые в плотно облегающую одежду с кружевами, сквозь которую отчетливо проступали толстые животы. То, что, вероятно, являлось женщиной, уставилось на меня обведенными черным карандашом глазами и спросило писклявым голосом на кокни, на каком говорит средний класс:

– Все, кто на *Брок*, на борту?

Я улыбнулся бессмысленной улыбкой, отошел и тут же наткнулся на какого-то высокого, верблюдоподобного субъекта, невидящим взглядом озирающегося по сторонам и щиплющего пальцами свои обвислые усики. Должно быть, это Лино Мортера, один из членов нашего совета директоров в Италии – причем один из самых моих нелюбимых. Был здесь и маленький толстый Понтуа. Он яростно жестикулировал, обращаясь к парочке здоровенных старых греховодниц, которым улыбалась карьера шкиперов русского тралового флота или бельгийских телохранителей. Я ни с тем, ни с другим знакомым общаться ничуть не желал, а потому поспешил укрыться в другом конце комнаты. По пути я то и дело натывался на очередных дельцов, которых смутно припоминал после презентации, на сильных, властных женщин с холеной внешностью телевизионных продюсеров или директоров компаний и их чуть менее холеных коллег, занятых, вероятно, преподавательской деятельностью. Неподалеку в одиночестве стояла высокая длинноногая женщина, и я поспешил воспользоваться услышанной репликой для начала разговора:

– Ну что, все, кто на *Брок*, на борту?

Она как-то очень странно посмотрела на меня:

– Verzeih'n – ah. Dem Brocken. Ja, dauert's nicht lang.²³

²³ Простите? А! На Брокен. Да, не надолго (нем.).

Голос у нее был низкий, печальный. И все же, произнося эти слова, она прикрыла глаза и слегка облизнула губы. Было такое ощущение, что она вот-вот задрожит.

Брокен! Так вот они о чем говорили! Я-то знаю, что это за место; я там был. Гора в Гарце, причем, если мне не изменяла память, на самой границе с бывшей ГДР, и отсюда до нее путь неблизкий. Но мне казалось, что я еще где-то слышал это название, и при мысли об этом в голове моей стали собираться тени.

– Послушайте, – настойчиво продолжал я, – об этом Бро...

Она резко отвернулась, прижалась лбом к стене и оттолкнула меня, когда я попытался к ней приблизиться. Я тихонько отошел, чтобы не привлекать внимания, оставив позади парочку немецких длинноволосиков, споривших о театральном искусстве и пластике форм, и нашел себе пристанище среди относительно нормальных типов, в основной массе представленных перегулявшими модными бездельниками вроде прожженных университетских выпускников, которые тусовались внизу. Они пытели и потели в своих тесных воротничках и обсуждали недостатки своих брокеров, а также излагали собственные дурацкие мысли по поводу положения дел на рынках. Я уже влез было с небольшой порцией элементарной экономики, но тут на меня обрушились две худосочные женщины лет около сорока, с горящими нервными глазами, одетые в фантастически дорогие джемперы из полиэстера и по очереди смолящие гигантскую сигарету с травкой. Одна наклонилась ко мне и сказала по-английски с придыханием:

– Я вас знаю. Вы капиталист, nicht wahr? ²⁴ Знаешь, Путцерль? Он из статьи – человек, заставляющий посылки думать.

Они оценивающе посмотрели на меня блестящими от злорадства глазами и захихикали.

– Чем вы собираетесь здесь торговать, герр Капиталист? – осведомилась другая.

– Своей задницей! – предположила первая, и обе завизжали от восторга.

– Нет, – холодно парировал я, – вашей.

Следившие за разговором мужчины оживились.

– S'ist nicht z'verkaufn! ²⁵ – воспротестовала вторая. – Я ее сто лет назад купила для себя!

– Покажи ей, – завопила другая. – Она все покупает, грязная потаскушка!

– Чего вы хотите? Ладно, потом пойму. Я за тобой следить буду, герр Торговец. Ты мне нравишься!

– Только если ты не еврей! – вставила другая. – Путцерль не нравятся вонючие еврейцы, так ведь, малышка?

– Я и за этим прослежу! – провизжала Путцерль, и они обе согнулись в три погибели от хохота, закашлялись, и изо рта у них паром повалил запах конопли. Судя по запаху, травка была из дорогих, у меня на языке от нее остался горький привкус – чертовски горький.

Какой-то мужчина обхватил меня за плечи мясистой ручищей:

– Ты осторожней с этой парочкой. Они тебе яйца открутят! Непременно открутят их, – настойчиво повторил он, – кр-рак! – чтобы я уж наверняка понял, что он имеет в виду. – Моя жена так со мной поступила. И мои проклятые дети. Но погоди чуточку. *Он* их усмирят! Честно, он эту парочку усмирят, я видел, как они на коленях ползали, буквально ползали. Знаешь, что я видел?

Он тряхнул головой, взмокшей от пота, и я заглянул в его глаза, темные, с кровавыми прожилками, очень темные. Это было все равно что глядеться в пруды истинного ужаса.

– Знаешь, что я видел? – повторил он. – Liebe Gott ²⁶, если бы ты знал...

Его рука соскользнула с моего плеча, он весь обмяк и побрел прочь, качая головой.

²⁴ Не так ли? (нем.)

²⁵ Она не продается! (нем.)

²⁶ Боже милостивый (нем.).

Люди повышали голос, когда он проходил мимо них, направляясь к выходу. Они тоже потели, хотя нельзя сказать, чтобы здесь было слишком жарко или что они много выпили: в комнате была всего пара-другая официантов пожилого возраста, и их подносов почти никто не касался. В воздухе тем не менее висел такой угар наркоты, что у меня самого голова слегка поплыла. Эта напряженность, которую я уловил в только что состоявшемся разговоре, – может, во всем виновата только травка, эта зараза, которая может изнутри заразить собравшееся общество, перескакивая из одной головы в другую, подобно молнии, и оскверняя воздух? Не это ли произошло здесь? Но в воздухе витала еще одна разновидность возбуждения – беспокойная, нездоровая, доходящая почти до экстаза и ощущаемая целой группой людей, которые собираются сделать что-то запретное и манящее одновременно. Я сразу вспомнил университетский альпинистский клуб и как мы собрались совершить абсолютно непозволительную вещь: прыгнуть с тросом с моста, находившегося недалеко от университета; вся эта бравада и кипение страстей – а пот между тем змейкой тек по позвоночнику в трусы. Вот и тут такое же ощущение. Разница состояла в том, что эти люди вряд ли пытались скрыть его друг от друга, как будто они уже через это все проходили и им было нечего скрывать друг от друга, разве что, пожалуй, от себя самих. Я уж начал было думать, не забрел ли случайно в какой-то кружок извращенцев, но тут мне вспомнилось обвинение в неонацизме и упоминание Брокена. Это место было знаменито в свое время не меньше Бранденбургских ворот, символа разделения Германии. Может, название позаимствовали для какого-нибудь неонацистского Bund'a? ²⁷ Очень даже может быть. А может, оно и вовсе ничего не означает. Только где-то я это название все-таки слышал, но голос, его произнесший, я запомнить не удосужился.

Хочу к елям Брокена, где еще сохранилась нечисть...

Так сказал Ле Стриж в состоянии крайнего недовольства; мой друг Джип-штурман побледнел при упоминании этого места.

Раздавшийся грохот вернул меня от грустных воспоминаний в действительность. Совсем недалеко от того места, где я стоял, распахнулась дверь в комнату, и из заднего помещения внесли какую-то громоздкую мебель. Я заглянул в открывшуюся дверь и увидел комнату, которая по размерам была больше этой, а венчал ее огромный стеклянный купол. Вокруг сновали мужчины без пиджаков, явно готовясь к чему-то; они расчищали место и даже скатывали ковер.

Конечно, это можно было сделать и раньше, прежде чем пришли гости; так почему же этого не произошло? Если только здесь не было какого-то секрета – такого секрета, который можно подготовить только под прикрытием вечеринки. Пол у слуг под ногами выглядел как мраморный, судя по внешнему виду и по звуку выставяемых графинов и чанов – нет, сосудов и кувшинов, с фантастическими орнаментами, позолоченных или золотых, с едва уловимым налетом древности. В полу тоже были золотые вкрапления, а среди мозаичных рисунков, вмонтированных в мраморную поверхность, самая большая фигура в центре зала выглядела знакомой. Только «знакомая» не значит «дружелюбная» исходя из того, что мне доводилось видеть. Но где же я сталкивался с *этим*? А у нацистов кроме свастики есть еще какие-нибудь символы? Но стоило мне подобраться поближе и попытаться рассмотреть рисунок повнимательнее, как я чуть из кожи не выпрыгнул от неожиданности. Мне на плечо легла рука, настоящий ласт, и повернула меня так, что сопротивляться было бесполезно. Два голубых глаза, слегка навывкате, уставились прямо мне в глаза, и в них внезапно отразился огонек яростного гнева.

– Stephen? Teufelschwanz, was machst du Verfluchter in dieser Stelle? ²⁸

– Постой-ка, Лутц, ты меня разве сам не приглашал?

²⁷ Союз (нем.).

²⁸ Стивен? Черт подери, что ты, поганец, тут делаешь? (нем.)

В глазах на мгновение выразилось недоумение, но затем голос его смягчился. Однако у таких людей, как Лутц, мягкость – это не естественное состояние.

– Да, да, конечно, прости меня! На вечеринку, *gewiss natürlich!*²⁹ Хотя я уже и надеяться перестал, что ты придешь! Не сказал? Извини, Стивен, но это собрание особенного... как это называется? Ложи. Тайной Ложи. Но как ты умудрился попасть сюда?

– Фройляйн Инга-Луиза привела меня сюда, чтоб я встретился с тобой – вот как!

– А-а... – Выражение лица у него сразу изменилось. – Ее никто не просил об этом. Глупая баба! Ей, наверное, взбрело в голову, что если ты появился так поздно, то целью твоего посещения может быть только одно. Хм! – Он надулся ненадолго, потер руки, затем посмотрел на меня слегка недоверчиво. – Мне нужно будет с ней перекинуться словечком. Если честно, меня все это огорчило. Ты и она – оба – несколько обесценили сюрприз, который я хотел для тебя приготовить. Специально для тебя.

– Для меня?

– Ну да. Я надеялся, что смогу пригласить тебя – и пожалуйста, не смейся! – стать членом этой Ложи. Может быть, даже сегодня вечером. А вы с ней все испортили!

Я глубоко вздохнул. Самое время вспомнить об осторожности.

– Лутц... это большая честь для меня. И с твоей стороны это очень мило. Только... впрочем, наверное, все это и к лучшему. Знаешь, как часто мне предлагали стать масоном? Но каждый раз я вынужден был отказываться. В компании у нас такая традиция: без страха и упрека.

Я вспомнил моего бывшего босса Барри, который так никогда и не вступил ни в одну из милых его сердцу еврейских организаций, но почему-то мне не захотелось рассказывать об этом Лутцу.

– Мы даже с ротарианцами никаких дел не имеем. Вот.

Лутц добродушно ухмыльнулся, но в глазах его все еще поблескивал нехороший огонек.

– Да ну тебя с твоей компанией! Конечно, я прекрасно понимал, что мне придется на тебя время потратить, порассказать тебе о нас, насколько мне это позволено. Для тебя это может оказаться крайне важным, Стивен. Нынешние масоны – это ерунда, так, мелкая сошка. Но мы имеем связь с настоящими вольными каменщиками, Стивен, организацией, которая издревле существовала на континенте. Она неизмеримо древнее и могущественнее и происходит от лож, членами которых были Моцарт и император Иосиф Второй.³⁰ Мы давно уже привыкли к тому, что наши ряды пополняются людьми, наделенными властью, самыми выдающимися людьми своего времени. Правительства составлялись или разгонялись в наших салонах, королей свергали с престола, люди получали состояния или разорялись. Во времена потрясений или войн мы предлагаем убежище, понимание, постоянную взаимопомощь, которая не знает границ между нациями. – Он понизил голос. – А тем, у кого достаточно воображения, чтобы осознать это, мы предлагаем познать силы, которые поистине являются основой всего сущего. Я сейчас больше ничего не скажу, но то, что я рассказал, – все истинная правда.

Я ходил по тонкому льду.

– Звучит заманчиво, но мои принципы...

– Твои? – прогрохотал он. – Да ты уже достаточно взрослый мальчик, чтобы понимать, что принципы – это то, что ты создаешь сам. К тому же принципы ведь для тебя не главное, так? – Он крикнул и протянул мне еще один бокал шампанского: – «Вдова Клико», и не моим шумным юным друзьям внизу его глотать. Хотя знаешь, Стив, – он усмехнулся, и мне показалось, что сейчас он пихнет меня в бок, – мы бы им кое-что смогли показать. Мы трудимся по-крупному, но и играем по-крупному – и я уже знаю, что к тебе это тоже относится! Как насчет девушек, которых ты здесь видел? Ну, после нескольких часов, проведенных здесь...

²⁹ Само собой! (нем.)

³⁰ Австрийский император (1741—1790).

– Он приподнял брови, округлив глаза, которые приобрели озорное выражение. – Ты понимаешь, о чем я говорю?

Я оглянулся по сторонам, и он фыркнул:

– Нет, конечно, не с этой братией, не с этими старыми Katzen.³¹ Они тут просто за компанию – verstehn? So gut.³² Но я обещаю, что ты испытаешь нечто, что перевернет все твои представления о жизни, герр Ratspraesident, все перевернет. Есть девушки, красивые девушки, которые... у меня просто нет слов. Это необходимо пережить.

Я внутренне содрогнулся, но обижать его не хотел. Я попытался найти правильный ответ, мягкий отказ, который не позволил бы ему обидеться сразу.

– Лутц, я... я действительно впечатлен. Но, как бы там ни было, ты знаешь, как это бывает? Я уж лучше пойду своей дорогой.

Он посмотрел на меня в упор и затем разразился громоподобным смехом.

– So, g'wiss, und wer soll denn das Papier lecken, hah?³³ И ты всегда куришь сигареты с фильтром, ха-ха-ха! Ну что ж, я тебя за это могу уважать. Но ты бы лучше поосторожней был, Стивен, когда отказываешься от знания. Нет такого человека, у которого его было бы достаточно.

– Поверь мне, я знаю это. Может, ты смог бы мне еще об этом рассказать. В другой раз. Сейчас я немного устал, и меня очень трудно в чем-нибудь убедить...

– Aber naturlich.³⁴ Но становится поздно, и...

Он оглянулся по сторонам. Мужчины в соседней комнате неуверенно поглядывали на меня, как, впрочем, и прочие гости.

– Ты понимаешь? Если ты сегодня не с нами...

– Ну конечно, я понимаю и не хочу мешать.

– Вот и замечательно. Конечно же, ты можешь присоединиться к тем, кто веселится внизу, – или, что, тоже не хочешь? Тогда я сам провожу тебя. – Он обернулся и обрушил целый град указаний на остававшихся – не по-немецки, скорее это было похоже на польский язык или на какой-то южнославянский диалект. Люди побежали обратно в смежную комнату, и я увидел, как несколько гостей, или членов ложи, или кем они еще там были, бегут туда словно на помощь, со все нарастающим чувством беспокойства. Я бросил последний взгляд на эту крепкую инкрустированную дверь, но мне на плечи тут же легла рука Лутца, который выпроводил меня вон. На сей раз мы прошли коротким путем, по темной лестнице, мимо закрытых дверей, обходя стороной раздававшийся внизу гул голосов. Я уже подумал было, что меня сейчас вытолкнут с черного хода, но Лутц как-то внезапно вывел меня в главный зал. Он остановился, чтобы представить меня нескольким гостям, по-видимому не самого высокого полета, а затем сгреб меня своими ручищами и увел. Моя машина уже ждала меня, мотор гудел, и фары горели. Я залез внутрь, а Лутц принялся громко и настойчиво давать мне ненужные указания о дороге в город. Он, казалось, твердо решил позаботиться обо мне и долго еще стоял и махал мне рукой, когда я отъезжал по посыпанному гравием двору к дорожке. И снова фонарики следовали за мной, пока я проезжал по парку, – наверное, какое-то сенсорное устройство, подумал я, специально, чтобы не разгонять ночь блеском огней, но как бы там ни было, а я чувствовал себя выставленным напоказ. Смешно, но волоски у меня на шее под воротником встали дыбом. Как будто за мной наблюдали, как будто что-то преследовало меня, спрятавшись среди теней. Я не мог избавиться от этого ощущения. Я нажал на тормоз и огляделся по сторонам.

³¹ Кошки (нем.).

³² Понимаешь? Вот и хорошо (нем.).

³³ Ну конечно, кто-то же должен и лизать бумагу, а? (нем.)

³⁴ Ну разумеется (нем.).

Нависшая прямо над машиной ветка рододендрона подпрыгнула и взлетела вверх, и тут же всей массой листьев опустилась на капот. Я еще раз резко дал по тормозам, а рядом, просвистев в воздухе, опустилось еще что-то, запустив пригоршней гравия в дверцу машины рядом с сиденьем водителя. Я изо всех сил нажал на педаль акселератора. Стоило машине сорваться с места, как на лобовом стекле тотчас блеснула яркая зеленая точка. Затем сквозь открытое окно снова просвистело, и что-то пролетело рядом с моим ухом; окно позади меня треснуло. Я пригнулся, переключил скорость и увидел, как еще два фонтана гравия брызнули по обе стороны от машины. Но вот я уже приближаюсь к воротам. Охранники вскочили, и я уже думал, что они кинутся преграждать мне путь с автоматами наперевес; но вместо этого они распахнули ворота с такой же предусмотрительностью, как и прежде, так что мне практически не пришлось снижать скорость. Я пролетел сквозь ворота, небрежно помахав рукой, так и ожидая пули в спину. Я видел, как изменились их лица, когда они заметили гигантскую трещину в заднем стекле. Слишком поздно: я уже был за воротами и ехал вниз по направлению к деревне. Но лишь когда булыжная мостовая ее главной улицы зашуршала у меня под колесами, я решился замедлить ход и остановиться, весь дрожа и недоумевая, кому, черт побери, понадобилось гоняться за мной со снайперской винтовкой с лазерным прицелом.

Я не мог настолько сильно обидеть Лутца, а если бы такое и случилось, существовала куча более простых способов избавиться от меня, да и к тому же не в своих владениях. И не таков был Лутц, чтобы выпустить меня из своих ворот. Но кто бы это ни был, он промахнулся. А может, это было лишь предупреждение? Я протянул назад руку и дотронулся до искореженного окна; дюйм-другой, и такое произошло бы с моей головой. Предупреждения так близко не летают. Это означало, что наш снайпер был настоящим убийцей, только не очень умелым: может быть, сказался недостаток практики.

Я вздохнул поглубже и поехал по направлению к автобану; эти маленькие петляющие аллейки выбивали меня теперь из колеи. За каждым поворотом я так и ожидал снова увидеть зеленый огонек, но затем ничего не случилось. А на автобане я мог прибавить скорость, и в меня будет не так легко попасть, а уж в потоке других машин и вовсе невозможно. Знак *Einfahrt*³⁵, который обычно вызывал у меня усмешку, когда я достиг его на этот раз, показался мне вратами рая, а ухабистое асфальтовое покрытие – достижение Третьего рейха – шелестело спокойно и надежно. В меня стреляли чаще, чем в большинство из кого бы то ни было, но, если уж на то пошло, чем дальше, тем меньше мне это нравилось: каждый промах приближал еще на одну зарубку то самое неминуемое попадание... Я опустил ногу на педаль газа и дал волю машине. Я предпочел бы из соображений безопасности, чтобы на дороге было чуть-чуть побольше машин. Ладно, по крайней мере я могу ехать на полной скорости.

Мое внимание привлек рев, раздавшийся сзади, – звук сорвавшейся с места гоночной машины. Я осмотрелся по сторонам, увидел затемненные окна салона совсем рядом, увидел, как оконное стекло опускается. При виде этой гоночной машины я едва не рассмеялся, пока не понял, зачем она здесь. Я резко пригнулся, схватился за руль, чтобы свернуть в сторону, и закричал во весь голос.

Огромный черный грузовик, не спеша двигавшийся чуть впереди меня, превратился теперь в ревущее и грозно раскачивающееся из стороны в сторону чудовище, преграждающее дорогу и оттесняющее меня к обочине, к бетонному бордюру и кромешной тьме за ним. Я вильнул, нажал на тормоз; грузовик на полной скорости врезался в бетон прямо передо мной и тут же был отброшен назад вместе с каменными обломками. А вот и снова этот чертов «мерс»! Я резко повернул вправо и тут же увидел колеса грузовика, нависшие над моей машиной, подобно вращающимся винтам мясорубки, теперь уже слишком близкие и неотвратимые. Послышался глухой треск, взорвалось осколками покалеченное заднее стекло, а «мерс», под-

³⁵ Въезд (нем.).

резавший меня, скатился по ним, как шарик с рулетки. Судорожно пытаюсь перейти в режим торможения, я краем глаза видел, как его вынесло на середину дороги и кинуло к противоположному бордюру, вдоль которого он пролетел еще немного, а затем перевернулся со звуком расплющенной консервной банки. Я развернулся, когда грузовик поехал на меня, дал по газам и почувствовал, как двести пятьдесят лошадиных сил завладели дорогой и встали на дыбы. Друг или враг, грузовик теперь не мог лелеять ни малейшей надежды нагнать меня. Он остался далеко позади, и в этом не было ничего удивительного. Ветер свирепо задувал через заднее стекло; если бы не грузовик, вместо него пострадало бы боковое стекло, а может быть, и я сам. Прежде меня колотило; теперь я был просто вне себя от гнева.

Было почти два часа ночи, когда я возвратился в гостиницу. У заспанного портье глаза на лоб полезли при виде искореженной машины. Я успел уже известить полицию о происшедшем. Не то чтобы я думал, что это что-нибудь даст, просто не хотел иметь сложностей с компанией по прокату машин. Полицейские вели себя вежливо, но настроены были скептически. Они поинтересовались, не повлияло ли правостороннее движение на мои познания в области правил вождения, и хотели было уже заставить меня подышать в трубочку – но тут выяснилось, откуда я ехал. Одного упоминания Лутца и «Си-Трана» хватило, чтобы все изменилось: «Да, сэр, нет, сэр, такого не должно случаться, сэр, но тем не менее случается». Все это еще больше вывело меня из себя, и, дабы избежать дальнейших объяснений, я сказал, что припаркуюсь сам. Выбрал я самый неприметный уголок в тени с боковой стороны гостиницы, и это напомнило мне о номере 1726. Я нашел глазами окно, но свет в номере был выключен. Все же я удержался от соблазна кинуться туда и выжать из нее очередные объяснения. Лучшее, что я сейчас мог сделать, – это выбраться отсюда поскорее и вернуться домой, чтобы там посоветоваться обо всем происшедшем с людьми, заслуживающими доверия. Не знаю, как это случилось, но во время всей этой сумасшедшей гонки мое подсознание опознало тот странный символ на красивом мраморном полу, и это меня глубоко взволновало. Уж лучше бы он оказался чем-нибудь вроде свастики – это я еще мог бы понять, с ненавистью, но все же соотнести с реальными историческими событиями, с ужасами, относящимися к миру людей. Но в последний раз я видел этот рисунок не где-нибудь, а среди дьявольских переплетений непристойной резьбы на высокой корме волчьего корабля «Сарацин». Геометрически правильная пятиконечная звезда внутри двойного круга из надписей, эмблема дурных намерений, магический знак.

Хотя внутри этого рисунка было нечто напоминающее замысловатый мозаичный орнамент...

Я внезапно остановился, повернулся. Позади что-то шевельнулось, что-то напоминающее мгновенную вспышку света, и еще что-то прошуршало. Стоило мне повернуться, и все замерло, а затем снова зашуршало, но уже громче. Над капотами припаркованных здесь машин нечто парило, нечто различимое только в отшлифованных до блеска зеркалах автомобилей, – легкий туман, дрожавший и колебавшийся, словно волоски амебы. Вот я уже вижу это в воздухе, когда на него попадает отблеск огней. И снова этот звук – не шорох даже, а скорее едва слышный хриплый вздох. Казалось, ничего и нет вовсе, но я не мог избавиться от мысли, что мне очень не хотелось бы оказаться окутанным этим низким облаком. Я попятился и увидел, что оно вздымается на дыбы, нависает надо мной, едва уловимое мерцание на фоне низкорослых деревьев и одинокого, низко висящего фонаря, – и вдруг, ни с того ни с сего, оно стало белее и гуще, как будто туман собрался со всей округи и заполнил его. Оно стягивалось в густое туманное облако. Я повернулся и побежал. Краем глаза я видел, как нечто тоже движется, перемещаясь вперед, по моим следам, и блестит между припаркованными машинами, скользя по их холодному металлу, как нежное прикосновение. Оно двигалось быстро, но я был быстрее: кинулся к фасаду гостиницы и буквально упал внутрь сквозь распахнувшиеся с шумом стеклянные двери. Портье как зачарованный уставился на меня.

– Туман, – объяснил я.

Это слово³⁶ значит по-немецки «навоз», но другого объяснения я тогда придумать не мог. Прихрамывая, я добрался до лифтов и поднялся к себе в комнату. Но хоть я и устал как собака, все же налил себе выпить и вышел на балкон, не в состоянии точно оценить все, что произошло со мной за последнюю пару часов. Физические атаки – может быть, но я даже представить не мог, кто мог получить от этого выгоду. Но и эти атаки казались теперь невероятными, даже слегка смешными, как будто я все несколько преувеличил, исказив свои воспоминания. Да тут еще этот туман, – ладно, со мной и раньше случались невероятные вещи. Но уж это-то, конечно, не что иное, как шутки перепуганного воображения. Даже истерия, подстегнутая стрессом. Но, посмотрев с высоты вниз на парковку, я увидел, что она все так же затянута легкой дымкой, от которой вокруг фонарей образовались светящиеся ореолы. Первый этаж гостиницы был также окутан туманом. Он зашевелился, когда я перегнулся через перила балкона, и мне показалось, будто он протянул ко мне длинное щупальце, подобно волне, взбирающейся на утес в море. Но его затея не удалась, и, подобно волне, он упал назад, туда, откуда пришел, распространяя вокруг легкую рябь призрачного волнения.

Этой ночью я свалился в постель крайне уставший, и беспокойно было у меня на душе. Я все думал, во что же я ввязался, что такое сотворил. Несколько раз я просыпался от этих снов в холодном поту, но из всей ужасающей мешанины остался всего лишь один образ. Карта Европы, нарисованная ребенком в старом школьном атласе и потемневшая от времени, а по ней расплзлась паутина, серая, запутанная, грязная паутина, полная пожухлой смерти. А в самом ее сердце, напряженный, злобный, готовый к прыжку, засел маленький черный паук.

³⁶ Mist – туман (англ.).

Глава 3

На следующее утро, как ни странно, сомнений у меня поубавилось, а все потому, что я обнаружил несколько интересных порезов и ссадин, которые, воспользовавшись ночной передышкой, засохли и затвердели; а еще потому, что мне пришлось потратить кучу времени на споры с компанией по прокату автомобилей, убеждая их послать еще одну машину и отвезти меня в аэропорт. Вся эта история так взбесила меня, что я чуть не забыл о номере 1726, но когда я позвонил вниз, портье, мой давний знакомый, заверил меня, что да, фройляйн Персефаль выписалась в шесть тридцать, забрала свою машину из гаража, и, к слову сказать, моя только что там появилась. Выяснилось, что с ней прислали шофера, а это уже вполне прозрачный намек. Я просидел в гробовом молчании всю серенькую дождливую дорогу, погрузившись в свои думы. Персефаль, вот как? Незаурядно, как и все имена с обложек.³⁷

Я планировал побыть здесь еще по крайней мере несколько дней, но при том, что в меня палят все кому не лень, а на Спирали назревают осложнения, у меня сразу появились неотложные дела дома. Прощай, мечта полазить по горам. Я чувствовал себя как крыса, бегущая с корабля; они хотят получить мою голову, не так ли? Что ж, пусть лучше за своими следят. Взмахнув чемоданы на вихляющую из стороны в сторону тележку, я прошел мимо охранников в аэропорту, которые теперь действовали мне на нервы в два раза сильнее, чем все таможни и паспортные контроли, вместе взятые, и покатил к расположенным в задней части аэропорта ангарам, отгороженным под площадку для вертолетов. При виде моей собственной маленькой машины, выкаченной из-под навеса и поджидающей меня, я немного приободрился. Побросав чемоданы на крошечное заднее сиденье, я послал тележку к чертям собачьим и проверил все даже тщательнее, чем обычно, на случай если кто-нибудь подкупил механика, чтобы тот ослабил какую-либо гайку или перекрыл подачу топлива.

Признаки паранойи, согласен, – но кто вам это сказал?

Как бы там ни было, мне полегчало, когда я перебрал все возможные варианты неисправностей, а в вертолете их бесчисленное множество. Наконец, вытерев руки от бензина, я опустился в кресло пилота и натянул шлем. У меня только-только хватило времени на то, чтобы завершить обычную предполетную проверку механизмов, как мне нетерпеливо дали отмашку служащие аэропорта, показывая, что пора лететь. Стартер закашлял, повернулся и загрохотал так, как с ним еще не случалось. Мне от этого стало немного не по себе, особенно после событий предыдущей ночи, но времени на раздумья у меня уже не оставалось. Правую руку на циклический джойстик, левую на рычаг управления, повернул дроссельный клапан и стал слушать, как лопасти винта со свистом рассекают воздух над моей головой. Когда вертолет стал набирать скорость, я потянул руль направления, проверяя реакцию хвостового винта. Я летал в одиночку всего два года, и мне не улыбалось опозориться посреди гигантского международного аэропорта.левой рукой я нажал на дроссель и повел рычаг управления вперед, установив лопасти винта в положение, удобное для подъема. Взлетная площадка осталась где-то далеко внизу, и маленькая бестия поднялась и начала покачиваться из стороны в сторону. Я нажал на педали, выравнивая хвостовой винт, чтобы качка прекратилась, приподнял джойстик, чтобы наклонить винты, направил нижнюю тягу назад и потянул рычаг на себя, медленно послав машину вперед и вверх. Все это время я тщательно выполнял команды, которые терпеливым монотонным голосом выдавал автоматический регулятор, спокойно следя за тем, что происходит вокруг в воздушных коридорах, и бросая нервные взгляды на перегруженный разнообразными указаниями дисплей контроля. В полете на вертолете задействовано все тело. Это все равно что секс без дополнительных привилегий.

³⁷ Персефаль (Парсифаль, Парсиваль) – имя героя средневековых легенд о Граале.

Мне не без труда удалось выбраться на сравнительно свободную территорию, но голос из контролирующего устройства оставался все таким же спокойным, значит, мне это удалось не так уж и плохо. Наконец я вылетел за пределы воздушного пространства аэропорта и мог позволить себе расслабиться – включить автопилот и предоставить машине лететь свободно. И настолько высоко, насколько это позволяют ей ее ограниченные способности: этот пожилой подержанный вертолет марки «Белл» я купил с рук. Считалось, что он рассчитан на пять посадочных мест, но это было правдой лишь в том случае, если двое из ваших пассажиров были садовыми гномами. Еще одним недостатком машины являлось очевидное несоответствие девизу «С места в карьер». Предполагалось, что рано или поздно компания раскошелится и купит мне более совершенную модель, возможно даже системы «нотар» (без руля управления), с контролирующим устройством на переднем стекле и всеми необходимыми приборамбасами. Но эта мысль сейчас согревала меня не так, как прежде. Я начинал чувствовать себя обладателем грязных денег.

Мое настроение совсем не улучшилось и тогда, когда я прорвался сквозь облачную завесу. Вырвавшись из влажно-серой тоскливой массы и попав в царство сияющих в солнечных лучах облаков, я вспомнил о безграничной свободе, которую я испытывал, отправляясь в плавание по Спирали. Мало найдется житейских радостей, способных сравниться с потрясенным изумлением при виде радуг, вздымающихся над морями обыденности и убегающих вдаль, к заоблачным архипелагам и океанам тумана, залитого лунным светом. По этим океанам величайшие корабли спешат во все концы света, во все моря и эпохи, существовавшие и не существовавшие когда-либо на Земле. У этих внушающих суеверный страх океанов есть двойники на Земле и в воздухе – там, где горизонт и небеса сливаются воедино, где время и пространство превращаются в вечнодвигающуюся туманную приграничную полосу, где перспективы сужаются, а параллельные линии встречаются, – некая масса исчезающих точек, через которую можно проникнуть в царства тени и архетипических мифов. Некоторые из них я обнаружил на Земле, в тени великих городов и мест религиозного поклонения, но в воздухе я их никогда не встречал. Я слышал, что здесь их меньше и в них труднее попасть, но мне всегда хотелось увидеть их. Теперь же мне казалось, что это нечто вроде того, что я вижу сейчас, вроде этого сверкающего пейзажа из моей мечты, где заснеженная горная вершина и возвышающаяся шапка облака сливаются в одно целое и тянутся вверх бесконечными хребтами. Но, может быть, именно так и вызывает меня к себе Ле Стриж.

Эта мысль поразила меня как громом. Я весь напрягся и повернул задний винт. Все еще не взошедшее солнце едва выглядывало из-за одного такого облачного хребта, и на фоне его теплого света и сияющей белизны две тени выделялись резким силуэтом. Башни-близнецы, высокие и стройные, такие, какими я их видел с горной тропы. У меня было не так уж много топлива; в такой машине его никогда не бывает особенно много. Но я ни секунды не колебался. Я резко накренил машину и, бешено крутясь, ринулся по направлению к ним, лавируя между высокими скалистыми участками, туманными валунами и призрачными высотами, а башни становились все выше, или мне это только казалось. Высокие и воздушные, эти готические строения заставляли думать, что камень, из которого они сделаны, так же легкий, как и туманы, над которыми башни вздымались. Я буквально приклеился к ним взглядом, забыв о том, куда лечу. Грубое серое лицо скалы нависло надо мной, и я инстинктивно повернул в сторону, забыв, что она не крепче мечты, – а может, это и не так? Зубчатые края, узкое ущелье и бездействующий кратер – ведь я был альпинистом и не мог не заметить всех этих примет, когда они проносились мимо моего лобового стекла. И выглядели они такими же пугающе крепкими, как любой камень, который когда-либо царапал мне колени и в кровь разбивал пальцы. Я потянул на себя рычаг управления, выровнял винты и с силой развернулся, спикировав по бескрайнему простору сурового горного края. По голове под шлемом заструился пот. Неужели я допустил ошибку? Или это так раскрылись околосемные проходы на Спирали, где

облака, подобно островам в лазурном океане, на которые ни разу не ступала нога человека, постепенно превращаются в горы с крепостью на вершине, а башни из облаков – в могучие каменные хребты, – так это или нет? Туманы водоворотами кружились передо мной, а вертолет все несся вдаль, и казалось, меня вот-вот сбросит вниз.

Затерявшись в сером тумане, не понимая, где верх, а где низ, я изо всех сил пытался подчинить себе машину, накрывая ее то туда, то сюда, пока наконец не заметил, что индикатор линии горизонта на дисплее встал ровно, а альтиметр перестал показывать разумную высоту. Я проверил радар, но он поблизости ничего, кроме меня и гор, не зарегистрировал. Тогда я попытался связаться с диспетчерской во Франкфурте. Ничего. Из Мюнхена тоже ничего. Только шумы. Я задумался на секунду, а затем дал свободу винтам и стал садиться – и мы ворвались в дневной свет, опустившись на широкий луг.

Заливной луг отливал сочной зеленью. Вокруг простирались полосатые, точно разлинованные, поля. Нужно сказать, что, как только я повел вертолет прочь от этих казавшихся слишком прочными гор, я сразу понял, куда текла эта река, – и все благодаря тем двум башням. Прямо посреди реки на большом гористом острове стоял город, который был географическим центром долины. Город был обнесен гигантскими крепостными стенами, подобные которым я видел разве что в Каркассоне.³⁸ Но этот город был больше и красивее. Неровными рядами поднимались красные черепичные крыши и виднелись стены из золотистого камня, поблескивавшие в мягком свете. А еще выше с острова поднимались стены, которые были темнее, и из глубины этих стен вздымались выше облаков башни – шпили здания, напоминавшего собор и представлявшего собой уходящее ввысь нагромождение готических стен, арок и балконов, крыш, ошетилившихся черепицей, и башенок, казавшихся до невозможности хрупкими, пока я не осознал, какие они, должно быть, гигантские на самом деле. Все сооружение было похоже на не очень высокую одинокую гору, переливавшуюся темным янтарем в свете солнечных лучей, прорвавшихся вниз сквозь прореху в облаке. Я подлетел поближе, пытаюсь найти хоть какой-то намек на то, где это все находится. По реке плавали лодки и баржи; и хотя пыльная желтая дорога расходилась лентами во все стороны, на ней не видно было ни единой машины. Я уже начал подумывать о том, чтобы спуститься и рассмотреть все поближе, но кружить над городом и привлекать к себе внимание мне не хотелось: это могло вызвать панику. Если мои рассуждения были верны, люди в этом местечке не очень-то привыкли к вертолетам.

Здесь определенно витал дух Спирали – это манящее, неспешное безвременье вытянутых теней и затянувшихся дней, бабье лето мира. Но меня настораживало то, что в этом месте было еще что-то, что на Спираль походило мало, – вид стабильности и благоустроенности, намек на порядок и целеустремленность, которые я едва ли встречал на раскиданных по всему свету берегах времени, выброшенных за борт вместе с отбросами истории и ненужными человеческими идеями. Мне необходимо было узнать больше, и я повернул обратно к скалам, подальше от полей. Если бы мне только удалось найти какое-нибудь неприметное место для посадки...

Скалы поднялись мне навстречу небольшим горным отрогом, ровной площадкой высокогорного луга с сочной травой, которому явно не хватало коров с колокольчиками на шеях. Но высокая зеленая трава стояла нетронутой, а когда ее коснулся воздушный поток от винтов, она пошла рябью, как вода. Я приземлился практически бесшумно и дал возможность мотору затихнуть, пока наконец слышен стал только свист замедляющих движение винтов. Затем затих и он, и мне стало слышно, как трава, которую я примял, шуршит, колыхаясь в порывах более естественного ветра.

Я расстегнул пояс и ремень, откинул дверцу кабины и спрыгнул в траву. Она была ярко-зеленого цвета, немного влажная и доходила мне почти до пояса. Те травинки, которые я поломал, качались от малейшего дуновения ветерка. После удушающего города свежесть этого воз-

³⁸ Город на юге Франции.

духа казалась невероятной. Хотелось распахнуть легкие, чтобы только вдыхать его снова и снова. Через долину бежал горный поток, прыгая и плескаясь по валунам и каменистым уступам. Внезапно меня обуяла невыносимая жажда, и я бегом спустился к ручью. Я мыслил достаточно трезво, чтобы понимать, что и в самом чистом горном потоке за ближайшим поворотом может скрываться дохлая овца – но уж никак не в этом, никак не в этом. Я почти что мог разглядеть его исток, вон там, за отшлифованными скалами... Я присел на корточки, сунул руку в воду и вскрикнул от неожиданности: она была ледяная. Но когда я осторожно отхлебнул ее – так, чтобы не застудить горло, – оказалось, что вкус у нее изумительный, с легким минеральным привкусом, по сравнению с которым все, что продается в пластиковых бутылках, казалось отвратительным суррогатом. Посвежевший, я поднялся на ноги и огляделся по сторонам. Примерно в ста ярдах ниже по течению поток пересекал старый каменный мост, а дальше, за мостом, вниз по холму бежала тропинка, наполовину заросшая травой. Удостоверившись, что ключи от вертолета все так же крепко закреплены у меня на поясе, я пошел вниз по тропинке – сам не знаю зачем. Мост был старым и, казалось, вот-вот развалится, но тем не менее на деле вышло, что он достаточно прочный, а с его горбатой спины мне открывался хороший вид вниз по склону и в самую глубину долины.

Город все еще сверкал там, за мощными крепостными стенами, в легкой дымке. Единственный запах, доносившийся до меня со стороны, был запах дыма из труб. С моего наблюдательного пункта мне были видны некоторые городские строения, сплошная масса крыш напоминала старинные кварталы Нюрнберга, или Ниццы, или маленьких городов в Австрии и Чехии, где дома неровными рядами в радостном беспорядке вприпрыжку несутся вниз по склону к реке, а их красные крыши и высокие фронтоны высовываются под самыми разнообразными углами. Но тут и там вдруг появлялись сосны, абсолютно чуждые для такого пейзажа: испещренная черными прожилками белизна древесины, приземистые оштукатуренные домики в средиземноморском стиле, теплое изящество грубого камня, характерное для Шотландии, – не соответствующие, выпадающие из общей картины и все же поразительно верные, добавляющие что-то неопишемое и в то же время мощное к общему впечатлению. Именно так должен выглядеть город. Высоко над его стенами, подобно венцу творения, вздымались башни собора, практически на одном уровне со мной. А еще выше, над ними, поднимались шпили, да так высоко, что стоящий на них мог сверху вниз смотреть на холмы, где находился я.

Чем больше я видел, тем больше это меня занимало. Одно из прекраснейших мест, будь то на Спирали или за ее пределами, одно из самых не подчиняющихся времени мест. Но на улицах царил толкотня и суета, и видно это было даже отсюда, а по подъездным дорогам катили крестьянские телеги, и целенаправленно к городу. Я перешел поток по мосту и быстро зашагал вниз по холму по направлению к ближайшей дороге. Прошло совсем немного времени, и я, сам не заметив, перешел на бег.

Тропинка, конечно же, все время шла вниз по склону, и когда я добрался до ближайшей дороги, то почти не запыхался. Тем не менее этот факт несколько удивил меня. Я чувствовал себя в прекрасной форме, и эта быстрая прогулка меня только подзадорила. Дорога была пустынная, но вот я достиг перекрестка, а там, остановившись в недоумении у указателя с потертой надписью: «Fraktur», я вдруг услышал добродушный окрик: «Gruss Gott!»³⁹ Это традиционное баварское приветствие, так что, по крайней мере, я теперь знал, где нахожусь. Донесся окрик с приближавшегося ко мне обоза. Поприветствовал меня старичок, управлявший крепкими черно-бурыми бычками, запряженными в первую телегу, а мужчины и женщины, ехавшие на телегах позади него или шедшие рядом, подхватили приветствие.

Я ответил тем же, добавив, что сегодня хорошая погода, и спросив, не в город ли они случайно едут? Они хорошо поняли мой немецкий и, судя по тому, что старались говорить

³⁹ Здравствуйте! (южнонем.)

разборчиво, тотчас сообразили, что я иностранец, но приняли меня как нечто самой собой разумеющееся. Я старался задавать не очень много вопросов, а они и вовсе ни о чем меня не спросили.

На других перекрестках нам встречались все новые телеги, некоторые из них были нагружены корзинами и бочками, как наша, другие ломились от мешков с мукой, а на одной лежали мясные туши. Я удивился, когда один погонщик окликнул нас явно на итальянском наречии, и уж совсем был поражен, когда какие-то юноши, перегонявшие овец через очередной перекресток, заговорили с нами по-английски – на гортанном деревенском диалекте. Ясно было, что сидевшие на телегах поняли их, причем ответили они на языке, который мог бы сойти за любой другой на Земле. Мне даже показалось, что я уловил цыганский говор.

Я все еще переваривал увиденное и услышанное, когда дорога обогнула маленькую рощицу. До городской стены осталось только спуститься по склону. Ее первые бастионы из камня медового цвета разбегались под самыми разнообразными углами, подчиняясь естественным изгибам ландшафта. Периодически они прерывались вкраплениями всевозможных причудливых башенок, пристроек и бельведеров. Результат радовал глаз и вызывал улыбку, подобно архитектурным шалостям викторианской эпохи; рассмотрев их, сразу начинаешь прикидывать, насколько прочно будут служить они даже при артиллерийском обстреле. А собор или то, что стояло в центре города, вовсе не было смешным, – от одного его вида все переворачивалось внутри. Дорога вела нас вниз, к высоким воротам, увенчанным готической аркой. Они были распахнуты настежь, но по обе стороны дороги стояли люди, причем люди вооруженные. А другие следили за дорогой сверху, со стен.

Отнестись к ним всерьез было трудно: их форма казалась слишком уж яркой – темно-синие и алые куртки, украшенные окантовкой, облегающие белые рейтузы, голубые кушаки и высокие сапоги, кивера, длинные волосы и свисающие книзу усы. Единственным их оружием были длинные мечи, висевшие на поясе, и алебарды. Они являли собою зрелище, которое сегодня можно наблюдать разве что в броских показушных церемониалах. И вряд ли можно себе представить более расслабленных стражей. Они лениво покуривали темные короткие сигары, облокотившись на столбы у ворот, и перекидывались шуточками с проезжавшими мимо крестьянами. Но когда мы подъехали поближе, я увидел их глаза, ясные и блестящие, зорко следящие за каждым из проходящих мимо. И тут я вспомнил, что форму, подобную этой, носили во времена войн более длительных и кровопролитных, чем те, которые случаются в наши дни. Войн, которые терзали и душили Европу на протяжении десятков и даже сотен лет, войн, которые сформировали ее культуру, все самое лучшее и худшее, что в ней есть, ее блеск и жестокость, Гёте и Гитлера, Шекспира и Влада Дракулу.

Я все думал, как меня воспримут они, в моей современной одежде и замшевом пиджаке. Стараясь сделать это как можно незаметнее, я прыгнул на землю между двумя телегами, при этом оживленно болтая с возницами, пока телеги с грохотом проезжали в тени арок. Внезапно наши колеса застучали по дереву, а высокие стены заслонили солнечный свет. За крепостными стенами оказались внутренние ворота с подъемным мостом, который можно было в любой момент убрать и оставить неприятеля в ловушке под шквальным огнем со стен. И все эти оборонительные сооружения были в превосходном состоянии. Я нервно закусил губу, сам не понимая, зачем мне понадобилось подбираться так близко, – все эти серьезные сооружения не особенно радовали меня. Однако ворота были украшены железным орнаментом, а подъемный мост – изящной резьбой, и от всего этого укрепления оставалось ощущение возвышенной силы и гордости. Но вот звук, издаваемый нашими колесами, снова изменился; мы проехали под внутренними воротами и попали на мощеную городскую улицу.

Я в восхищении оглянулся вокруг. Здесь было все, что я успел разглядеть из долины, и еще много больше. Повсюду были разбиты сады и посажены деревья, широкие светлые улицы и петляющие аллеи дразнили воображение, а на просторных площадях взгляд отдыхал. Город

выглядел так, как может выглядеть замысел архитектора только на бумаге, но все это не производило впечатления чего-то заранее спланированного. Мое любопытство перешло всякие границы. Я соскользнул с телеги и пропустил всю процессию вперед. Мог бы, конечно, придумать и что-нибудь поумнее. Мы прошли в ворота, но все еще оставались в поле зрения стражи. И когда я услышал резкий окрик, то знал наверняка, к кому он обращен. Перехитрить стражу мне не удалось. Эти зоркие глаза выделили меня из толпы, удивились и решили посмотреть, как я буду вести себя, и при первом же подозрительном движении...

– Halt! Wer da? ⁴⁰

Я встал в нерешительности, с сомнением озираясь по сторонам. Двое стражей с алебардами наперевес подбежали ко мне. Позади них дюжий мужчина в черном мундире с золотыми эполетами вскочил на ноги, уставился на меня в недоумении, чуть не подавился своей сигарой и вскричал:

– Er! Aus dem Bergenpfad! Der Reiter, der Zauberer's Kerl! Ergreifen Sie mir diesen! ⁴¹

Это было уже слишком. Всадник, парень колдуна с горной тропы! Офицер, должно быть, находился на борту воздушного корабля, и, конечно, корабль был именно из этого города, а я оказался настолько ненормальным, чтобы сюда притащиться. Если бы я имел возможность объяснить – но я и не мечтал, что мне это удастся сделать, находясь в руках вооруженных солдат. В таком положении все аргументы кажутся недостаточно вескими, а там, на тропе, они пристрелили бы меня, не разбираясь, кто прав, кто виноват. Остановятся ли они здесь, чтобы выслушать меня? Я резко развернулся на месте и кинулся бежать сквозь толпу моих новоприобретенных знакомых и их телег и дальше, вдоль по широкой улице, которая, конечно же, должна была вывести меня к реке в городской центр. Куда еще мне податься? Ворота будут на запоре, аллейки и проулочки превратятся для меня в кошмар, в котором они ориентируются куда лучше меня. Мне было некуда бежать, некуда, кроме как дальше вглубь города.

– Du da! Halt, oder ich schliesse! ⁴²

Они блефовали. Да и что еще им оставалось делать: не могли же они наплевать на остальных людей на этой переполненной улице, среди которых, возможно, были и дети. Как-то не очень это вязалось с внешним видом этого местечка, и действительно, выстрелов не последовало. Один или двое прохожих двинулись было ко мне, как будто хотели меня схватить, но я отреагировал быстро и увернулся. Похоже, мои кроссовки лучше подходили для бега по булыжной мостовой, чем их ботинки. Я несся вперед без остановки, но и думать тоже не забывал – в моем безумии теперь появилась система. То огромное здание – именно к нему я и направился. Если это что-то вроде церкви или собора, я могу найти там убежище или хотя бы получить возможность рассказать все, что со мной случилось, священнику, как только немножко передохну и соберусь с мыслями. А сейчас у меня просто мозги плавилься.

Я был в неплохой форме, но миля-другая хорошего бега по булыжникам – это вам не фунт изюму, даже если бежать вниз по холму. В ушах у меня звенело и кровь прилила к вискам, но я рискнул бросить взгляд назад. Проклятые часовые все так же неслись за мной. Если бы у меня образовалась минута передышки, я мог бы попытаться вызвать свой меч. Это был единственный отдаленно напоминавший волшебство прием, которому я выучился на Спирали, да и то совершенно случайно. Но свободной минуты у меня не было, да и вообще меч неизбежно обозначал бы кровь, и я наделал бы еще больше бед. Я уже подумывал о том, чтобы притаиться за подходящим углом и, заманив туда преследователей, побить их поодиночке, – да только они могут разгадать мои намерения, и что тогда со мной будет? Лучше, если мне удастся найти какую-нибудь скамейку, мусорные баки или еще что-нибудь, что можно было бы кинуть им

⁴⁰ Стой! Кто идет? (нем.)

⁴¹ Это он! С горной тропы! Всадник, парень колдуна! Хватайте его! (нем.)

⁴² Эй, ты! Стой, стрелять буду! (нем.)

навстречу, но никаких скамеек и вообще ничего размером больше цветочного горшка поблизости не было. Несмотря на то что город казался сошедшим с картины девятнадцатого века, я вряд ли видел где-либо место чище, чем это. На главной улице я заметил лошадиный навоз, но совсем немного, а примыкающие к ней улицы выглядели безукоризненно чистыми. Возможно, именно поэтому бесчисленные сады города приносили такой богатый урожай. Как бы там ни было, а мне оставалось только бежать вперед, что я и делал. Склон остался позади. Где, черт побери, этот собор? Я заставил себя посмотреть наверх – и так и застыл на месте как громом пораженный.

Собор стоял там, где ему и положено было стоять, или по крайней мере так казалось. Его тень лишенным солнечных лучей бременем должна была бы лечь на близлежащие дома. Но собор был столь воздушен, что отбрасывал необычные резные узоры на стены и крыши домов, покрывая их скользящим кружевом, сотканным из света. Теперь я был почти на одном уровне с подножием горы. Чуть ниже улица выходила к широкой площадке над рекой, а оттуда к острову был перекинут мост, широкий и ровный, как автобан. Это зрелище подхлестнуло меня, и, нужно сказать, вовремя. Слишком уж я засмотрелся по сторонам, и это стоило мне изрядно сократившегося расстояния между мной и преследователями: топот тяжелых сапог раздавался уже почти у меня за спиной. Но я успел-таки воспользоваться свободной секундой и перевести дух, и это придало мне сил. Если меня больше никто не остановит, то только они меня и видели. На этом конце моста никакой стражи вроде бы не было, а на другом – что ж, придется рискнуть. Я помчался к площади, скользнув взглядом по другим зданиям, еще более высоким и изящным, чем те, которые я видел до сих пор. В таких не зазорно было бы разместить королевские резиденции, парламенты или учебные заведения, – и вот, чтобы добраться до моста, я уже пробиваюсь сквозь толпу гуляющих, чьи глаза становятся круглыми от удивления. Уже на мосту я снова рискнул оглянуться назад и, увидев высокий обрыв и скалы, отвесно вздымавшиеся над рекой, понял, что нахожусь на высоте двухсот футов.

Передо мной, на такой же высоте, лежал остров и подножие собора – да и собор ли это? Чем ближе я оказывался, тем необычнее он выглядел. Тем не менее здесь были и башенки, и шпили, и витражи. Что же это еще может быть, если не собор? Даже пейзаж на острове напоминал гигантский Нотр-Дам, только во всем этом было еще что-то от крепости, и от этого мне становилось не слишком по себе. Прибрежные скалы были из неровного камня, а те, что на острове, были гладкими, будто отшлифованными, и прерывались только случайными уступами с посаженными на них деревьями или широкой лестницей, спускавшейся к воде между этими уступами. Люди прогуливались или сидели, как будто это был обычный сквер или сад развлечений. На самом деле из этих мест получились бы превосходные укрепления. Я пригнулся и побежал, лавируя между прохожими на мосту, а те смотрели на меня с удивлением, но, как и все прочие, и пальцем не пошевелили, чтобы меня задержать. Значило ли это, что стражу недолюбливают? Взгляды, которые я на себе ловил, были удивленные, а не жестокие или сочувствующие; в них вообще не было никакой оценки, только любопытство, а у людей постарше даже нечто отдаленно напоминавшее доброжелательность. Я уже почти миновал мост – и стражи на нем не было. А дальше широкая дорожка, вымощенная серой плиткой, и ступени, ведущие к собору. Двери его были огромные, такие же высокие, как городские ворота, и такие же разукрашенные. Створки их были приоткрыты, и поэтому видна была только часть орнамента: стилизованная птица, голубь, держащий что-то в лапке, возможно ветку оливы из притчи. Это было как нельзя кстати. Я взбежал по ступенькам так, будто живу последний день, и услышал очень обрадовавший меня треск, раздавшийся, когда бежавший первым стражник растянулся позади меня. Лестница оказалась длиннее, чем можно было себе представить, но я все же добрался до дверей, совершенно выбившись из сил и спотыкаясь у обитого железом дерева, и кое-как ввалился внутрь. Я должен был бы, наверное, воскликнуть: «Убежища!», или

«Наго, а l'aide, mon prince!»⁴³, или что-нибудь подобное. В действительности у меня на это не хватило сил. Я пронесся вниз по выложенному камнем коридору, который сам по себе был длиной с обычный среднестатистический собор, держа курс на горевшую голубоватым светом арку в его дальнем конце. Я не был уверен насчет того, что где находится в подобных заведениях, но подозревал, что где-то непременно должен быть алтарь или что-либо подобное, к чему я смогу припасть. Мне было просто необходимо припасть к чему-нибудь, и лучше бы это была не купель.

Я видел отгороженные перилами площадки, которые вполне могли бы быть притворами. Стены здесь были украшены орнаментом и лепниной, которые казались весьма древними. Но где же мои преследователи? Я снова оглянулся, полагая, что они вот-вот ворвутся сквозь огромные темные двери. Этого почему-то не произошло. Ведь не может быть, чтобы они оба упали, или как? Внезапно один заглянул в дверь и тут же убрал голову с видом провинившегося школьника. Похоже, им сюда входить не разрешается. Тем лучше, к тому же здесь вполне может иметься подходящая задняя дверь.

Но когда я добрался до арки, я остановился как вкопанный, на мгновение позабыв и о погоне, и об усталости, и о жажде – обо всем. Так на меня подействовало место, в котором я оказался. Оно было похоже на церковь, но в то же время это была не церковь. Здесь было просторно. Мне приходилось бывать внутри собора Святой Софии, но здесь было еще больше простора и пустоты. Огромный темный овал комнаты был окружен узкой колоннадой, под которой я сейчас стоял. Внизу, на уровне пола, все тонуло в голубоватой печали, которую оживлял только слабый отблеск глазурованных настенных изразцов. Но высоко в стенах были огромные окна, и через них проникал свет. Длинные лучи скользили вниз и венчали парящие в воздухе пылинки ореолами, то прозрачными, то совершенно восхитительных оттенков. Представьте себя церковной мышью, настоящей мышью, выглядывающей из норки. Вот таким «большим» я себя здесь и ощущал.

Но дело было не только в размерах. В СССР строили все гигантской величины – например, Кремлевский дворец, – но это только подчеркивало, каким маленьким был человек, находившийся внутри подобного здания. Тут же возникало ощущение, что строение это воздвигнуто для чего-то более высокого, чем люди, и что это «что-то» присутствует здесь. В его природе было нечто божественное, внушающее священный трепет, то, что мне доводилось испытывать в разных местах, как в Сердцевине, так и на Спирали, – у англосаксонских курганов, во дворце в Микенах, у Борободура и у подножия Великих Пирамид. Но здесь это чувство было сильнее. Надо всем тут висела пыльная завеса тишины, хотя это была всего лишь тишина покоя, а не пустота. Но даже покой, казалось, наблюдал за находящимся внутри. Глаза мои постоянно следили за тенями, привлеченные иллюзией быстрого движения, но никогда ничего не находили.

Я не мог понять назначение этого места. Никакого алтаря здесь, конечно, не было. Ни намек на сиденья, никаких украшений или хотя бы надписей, которые можно обнаружить даже в лишенных украшений мечетях. Здесь вообще не было практически ничего, что указывало бы на использование этого места человеком. И все же, когда мои глаза привыкли к темноте, я различил очертания других дверей у дальней стены под колоннами. Это выглядело многообещающе. А выше на стенах были своего рода орнаменты – но, вероятнее всего, фрески – тусклые пятна мрачных цветов, тонущие в тени. Пол тоже оказался не таким уж голым – он был покрыт мозаикой. Я вспомнил о комнате Луца, и мне стало не по себе; но этот рисунок выглядел исключительно декоративным – стилизованный пучок солнечных лучей или роза ветров, которая притягивала взгляд внутрь, к центру зала. Там, прямо в огромном снопе света, все же что-то стояло – низкое и бесформенное. Это была единственная вещь, выделявшаяся

⁴³ Скорее на помощь, мой принц! (фр.)

во всей этой огромной пустоте. Я сделал осторожный шаг вперед, и он грохотом отозвался под сводами собора: эхо, эхо, эхо, эхо...

Я сглотнул, отправил сердце из горла обратно и пошел тише. По логике вещей, здесь должны были бы быть клубы пыли – но их здесь не было. Даже мой офис не бывал таким чистым. Пыль летала в воздухе; крошечные частички времени кружились без права на отдых. Я должен был бы направиться к одной из тех дверей у дальней стены – но это было не так. Меня распирало любопытство, и, вполне возможно, ключ к разгадке тайны этого места лежит там, в его центре.

Могила, предположил я: кто-нибудь здесь похоронен, кто-то достаточно могущественный, чтобы вся эта огромная постройка служила ему мавзолеем. Кто-то, в кого верила целая нация, а может, верит и по сей день и ждет его пробуждения. Король Артур, Фридрих Барбаросса, даже Аттила, который настолько же почитался героем на землях к востоку от Рейна, насколько считался негодяем к западу от этой реки.

Когда я подошел к горбатой тени, у меня в горле уже першило от пыли, и, рассмотрев тень поближе, я понял, что был прав. Передо мной был низенький помост из черного мрамора или другого отполированного камня, гладкий и однородный. На него был небрежно наброшен кусок ткани, похожей на тяжелый шелк с вышитым на нем узором. Насколько я мог судить в этом полумраке, он представлял собой длинный плащ, рясу или мантию темного цвета; вышивка напоминала византийский орнамент из матового золота – изображения святых или чего-то подобного, в полумраке судить было трудно. Под плащом скрывалось нечто вытянутое, вполне вероятно изваяние. Но стоило мне резким движением приподнять краешек плаща, как я тут же понял, что это не обычный могильный камень. Это была безыскусная и древняя, грубо отесанная глыба, размерами с небольшую плиту, какими мостят улицы, а толщиной около фута. Никаких надписей на ней не имелось, только грубые отметины, разбросанные в беспорядке по всему камню. Единственное изображение в виде чаши или кубка оказалось на некотором удалении от центра, окруженное любопытным орнаментом из переплетенных колец. Некоторые из них были выдолблены глубоко в камне, а другие представляли собой лишь царапины, но все были тщательно проработаны. Еще непонятнее было то, что поверх камня, прикрытое плащом, лежало короткое, но казавшееся мощным копье, перехваченное кольцами блестящего металла и оканчивавшееся производящим серьезное впечатление наконечником из какого-то странного материала. Черное стекло, предположил я, но не обычное, а вулканическое, обсидиан; и не обтесанное, а отшлифованное и отполированное до идеальной гладкости.

Загадки накапливались одна за другой, но я здесь только время терял. Они сейчас уже, вполне возможно, оцепили здание. Я бережно опустил на место плащ и, стараясь ступать как можно тише, пошел к колоннаде у противоположной стены. Но как только я до нее добрался, до моего слуха донесся грохот распахнувшейся входной двери и стук шагов. Раздался грубый окрик, явно угрожающий, и в арочном проеме я увидел двух мужчин, одетых наподобие гусар. В целом их форма напоминала мундиры стражей, но в отличие от тех была выдержана в серых тонах, украшена кисточками, аксельбантами и эполетами из металлических колец, которые поблескивали серебристым светом даже при этом мрачном освещении, напоминавшем освещение в подводной лодке. Их мечи, извлеченные из ножен, сурово сверкали. Это были огромные прямые клинки с круглыми рукоятками. Я думал, они побегут через зал, но они вместо этого бросились к колоннаде и направились вдоль стены по направлению ко мне. Я решил подпустить их поближе – все равно они достаточно далеко, и у меня есть время пересечь зал и выбежать вон. Но внезапно дверь снова с грохотом распахнулась, и вбежали остальные. Даже отсюда мне видны были мечи и мундиры – еще больше серых гусар. Мне вспомнился мой собственный меч, висящий над камином в моей квартире, – как всегда не там, где нужно. Я всей душой стремился к нему, пальцы сами сложились так, как будто ухватились за его рукоятку. На мгновение мне показалось, что я действительно коснулся ножен из плетеной акульей

кожи, приятно охладившей мне руку, и почувствовал тяжесть крепчайшей стали. Но затем меня охватила темнота, и я ощутил, как меч выскальзывает из моей руки и падает вниз с тихим, замирающим вдали звоном.

Я крепко выругался и сжал кулаки. Что теперь – пять, шесть на одного? Да к тому же безоружного. Я мог бы сдать, понадеявшись на их милость, – но мне как-то в нее мало верилось. Да они меня даже близко не подпустят – сразу прирежут, возможно, потому, что я для них явно ассоциируюсь со Стрижем. Мечи они держали наперевес, держали крепко и непреклонно. От несправедливости всего этого положения у меня ком встал в горле. Необходимо было каким-то образом обороняться. О, если бы заставить их меня выслушать – неважно, какой ценой. Я бы сделал для этого все, что было в моих силах. Я подождал, пока они все добрались до колоннады, окружив меня, как шакалы костер, а затем кинулся со всех ног на середину зала, куда они определенно не пошли бы, – прямо по мозаичному полу. Сбросив плащ, я схватил копьё с камня и подбросил его в руке, крепкое и тяжелое.

Результат получился, мягко выражаясь, неожиданный. То, что я услышал, прозвучало как громкий вздох ужаса, который разнесся под тенистыми сводами собора, только вздохнули все и разом. И все эти торжественно-мрачные меченосцы отпрянули, как один, и пригнулись пониже – огромные фигуры, само воплощенное возмездие, – внезапно сжались и превратились в корчащиеся на полу жалкие существа, подобные животным перед хлыстом дрессировщика. В сердцах я махнул копьем в их сторону. Мечи так и заходили ходуном у них в руках, один даже уронил свой, а другой тревожно вскрикнул. Они теперь оказались между мной и дверями у дальней стены зала. Я бесстрашно направился к арке, раздумывая, убегут они или нет. Но они просто следили за мной, шесть пар глаз, поблескивавших на меня из тени. Проходя мимо, я взглянул на стоявшего ближе ко мне солдата, и он ответил мне тем же. Он был светловолосый, с густыми бакенбардами и нафиксатуренными усиками, которые лишь слегка скрывали два длинных шрама, прочертившие его румяные щеки. Несмотря на эти шрамы, лицо его не было грубым; вполне возможно, что в обычной жизни от этих глаз расходились смешливые морщинки. Но сейчас они были прищурены от бессильной, пронзительной ненависти, и меч подрагивал у него в руке. С превеликой радостью этот человек прыгнул бы на меня и изрубил на кусочки. Значит, то, что его удерживало, должно было быть еще сильнее. Страх? Я почему-то так не думал. Человек по другую сторону от меня был смуглый, с крупными чертами лица, которые тем не менее не могли ослабить впечатление от его орлиного носа. Он был похож на североамериканского индейца, и на лбу у него красовались три белые полосы. Не знаю, откуда это всплыло у меня в памяти, но я вспомнил, что это отметины, обозначающие воина или учителя воинов. У него от гнева горели щеки, но он только отступил назад, со свистом втягивая воздух между зубов и наблюдая.

Я прошел под аркой и попал в коридор, гадая, что же происходит на улице. Может, все успокоилось и добропорядочные горожане отправились по своим делам? Я оглянулся назад: серые меченосцы всем скопом валили под арку. Они остановились, как только я посмотрел на них, но так, как останавливаются псы, сдерживаемые поводком, а один явно примеривался метнуть в меня меч. Другой остановил его жестом. Оставался только один способ выяснить, что происходит. Я налег на огромную дверь и слегка приоткрыл ее. В нее потоками хлынул солнечный свет, и в меня никто не выстрелил. Я приоткрыл дверь еще чуть-чуть, вышел на улицу – и так и остолбенел от ужаса: толпа, собравшаяся у лестницы, заревела и кинулась вперед. Самые обычные горожане, никаких стражников. Я скорее поднял копьё двумя руками над головой и принялся размахивать им во все стороны – результат был как от удара током. Все равно как если бы я метал громы и молнии, потому что спустя какое-то мгновение они завопили, развернулись и пустились наутек, спотыкаясь и падая. Упавших толпа увлекала за собой, некоторые валились с лестницы в кусты, росшие по обе стороны от нее. Для полноты картины не хватало только изрешеченной пулями коляски, съезжающей вниз по ступенькам, –

и я в роли Стража Империи. Я нервно сглотнул, спустился на несколько ступенек вниз и увидел, как паника, подобно ряби на воде, перешла из центра толпы к оказавшимся рядом зевакам и стоявшим в стороне наблюдателям. За считанные мгновения проход был свободен. Ну и хватит с меня общения с людьми.

Я, прихрамывая, прошел назад по мосту, который теперь совершенно опустел, если не считать позабытой кем-то в спешке шляпы или муфты. И по всей вероятности, слухи опередили меня. Когда я дошел до улицы напротив моста и пошел в горку, двери захлопали, дети заплакали, фигуры прохожих стали поспешно исчезать в улочках, прилегавших к центральной. Я бросил взгляд назад и увидел серых гусароподобных типов, сбившихся в кучку и быстро бежавших по мосту с мечами наперевес. Но стоило мне оглянуться, как они остановились. Я снова пустился в путь.

Дорога теперь шла в гору, и снова по этим неровным булыжникам. Нелегкая прогулка, но я шел и шел вперед. Меня подгоняли удивление и замешательство и еще целая гамма чувств. К тому времени, когда я добрался до самой высокой точки на главной улице, любой малыш смог бы преградить мне дорогу кисточкой из перьев, но никто не попытался этого сделать. Самые громкие звуки, которые я слышал, – это горестный плач и стук захлопывавшихся ставен. Невдалеке от ворот дюжий дозорный снова крикнул, схватившись за рукоятку меча, и стражники преградили мне дорогу. В ответ я поднял копьё. Они разом скинули и в ужасе уставились на меня. Офицер, яростно выругавшись, дал задний ход, да так, что чуть не распластался по арке. Он тяжело дышал, и пот градом струился по его лицу. Даже неси я действующую атомную бомбу, они и то вряд ли отреагировали бы более живо. Я повел рукой – офицер застонал в отчаянии и довольно резко отбросил в сторону свой меч. Я пулей пронесся мимо него, пробежав сквозь узенькие внутренние ворота. Крестьяне и погонщики с телег кинули в мою сторону осторожный взгляд, закричали и попытались распластаться по стенам, пряча глаза. Женщины зарыдали. Никто не пытался остановить меня. Никто даже ничем не кидался. Спотыкаясь, я вышел на открытую дорогу за пределы городских стен. Чувствовал я себя при этом потрясенным – и, как ни странно, опозоренным.

На мгновение я остановился, переводя дух. Я мог бы отбросить чертово копьё в сторону прямо сейчас, оставить его висеть в кустах. А еще лучше положить его осторожно на землю, ведь совершенно очевидно, что это нечто невероятно ценное или даже священное. Но в этом случае всадники смогут отправиться за мной, и мне придется плохо. Почему-то мне казалось, что именно так они и поступят. Тот парень в церкви не прочь был бы поохотиться на меня с собаками. Уж лучше я оставлю копьё у вертолета – нечего с ними церемониться. Оставлю, конечно, так, чтобы видно было, – может, примну траву или что-нибудь в этом роде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.